

Н А Т А Л Ь Я
АНДРЕЕВА

МЕЧТЫ

ПРИСЫПАННЫЕ ПЕПЛОМ

АКТУАЛЬНЫЙ ДЕТЕКТИВ

Наталья Вячеславовна Андреева
Мечты, присыпанные пеплом
Серия «Актуальный детектив»
Серия «Бестселлеры
Натальи Андреевой»

текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=68534183
Мечты, присыпанные пеплом: АСТ; М; 2023
ISBN 978-5-17-147582-6

Аннотация

Гарем – это поле боя, где идет непримиримая война. За единственного мужчину, который крайне разборчив и подозрителен, за власть и, наконец, за жизнь. И когда ты всего в шаге от мечты, вдруг появляется женщина, которая может отобрать все. Она должна умереть.

Для этого годятся любые способы, цена значения не имеет: подмена двойником, подкуп, яд, кинжал. А когда и это не работает, можно примкнуть к заговорщикам и устроить дворцовый переворот. Главное, не просчитаться. Иначе мечта станет пеплом, а нажитое богатство – пылью.

Угадает ли читатель судьбу героини? Которая сама доверилась гадалке. И ведь все сбылось! Только развязка оказалась неожиданной.

Содержание

Часть вторая	6
Предсказание	6
Безумие	57
Конец ознакомительного фрагмента.	88

Наталья Андреева

Мечты, присыпанные пеплом

© Андреева Н., 2022

© ООО «Издательство АСТ», 2023

* * *

Часть вторая

Ворота Мертвых

Предсказание

Это лето выдалось таким жарким, что и в самом конце августа ночи были изнурительными, будто многоликий и разноречивый Стамбул заворачивали с наступлением сумерек в стеганое одеяло. И там, в темноте и духоте, люди пытались хоть ненадолго перевести дух, избавившись от лучей палящего солнца. Но даже в темноте им было липко, тяжело и они с трудом заталкивали в легкие застоявшийся воздух, пропитавшийся за день пряными ароматами восточного базара с доминирующими кофейными нотками.

Оправившаяся от родов и еще больше располневшая Шекер Пара, к которой вернулся прежний неумный аппетит, страдала невыносимо, хотя в ее покои рабыни беспрестанно носили из особого хранилища лед, который тут же таял. Повсюду стояли большие медные тазы с холодной водой, а щели в ставнях были заткнуты влажными тряпками, которые те же рабыни постоянно меняли, чтобы влага не пересыхала.

И все равно султанской фаворитке было тяжело, как и всем тем, кто жил за воротами этого рая, роскошного дворца Топ-

капы. Кроме жары ее мучили ночные кошмары, Шекер Пара просыпалась вся в липком поту, с отчаянным криком:

– Не-е-е-ет!!!

Ей снилось, будто она, мертвая, стоит на морском дне в завязанном особым узлом мешке, набитом для надежности еще и камнями, а вокруг – стаи рыб, которые чуют гниющую плоть. У несчастной даже могилы нет, она – в числе тех почти трех сотен рабынь, казненных без всякой вины, по нелепой случайности, из-за которой в руки султана попала записка, адресованная хранителю его покоев. Записка не от наложницы, а от султанши, сестры. Но ради незапятнанной чести Фатьмы-султан все, кто знал правду, промолчали, даже Валиде. А сама Шекер Пара промолчала ради брата. И не остановила мужа, решившего утопить весь свой гарем.

Почти месяц после казни всех своих наложниц султан Ибрагим был непривычно тих. Шекер Пара показалось даже, что он напуган, когда Ибрагим призвал ее в свои покои снять массажем невыносимую головную боль. И пока Шекер Пара ласково успокаивала его своими умелыми руками, он со стоном признался, что плохо спит.

Ему снова чудятся кошачьи шаги палачей, горло будто бы душит шелковый шнур, а по углам огромной спальни стоят раздувшиеся утопленницы и хохочут. Стоит только падишаху закрыть глаза, как все они устремляются к его ложу, берутся за руки и начинают водить хоровод, торжествуя и радуясь скорой смерти своего убийцы. А Ибрагим тут же про-

сыпается и кричит.

– Я не хочу умирать, Шекер Пара! – Султан сжал ее руку так, что фаворитка и сама чуть не закричала. – Не хочу!!!

– Это все пустые страхи, повелитель, – попыталась успокоить она этого большого ребенка, до смерти напуганного.

Он не вполне осознает, что делает. Его поступки порою неконтролируемы и впрямь безумны. Это болезнь виновата. Ибрагим жаждет крови, потому что сам много раз почти уже умирал, пока был ребенком. Он не умеет любить, это чувство не успело родиться в нем, как тут же зачахло от страха, когда каждый день и каждую ночь Ибрагим ждал в Кафесе палачей. А вот ненависть только крепла, как и желание отомстить. И теперь он мстит всем без разбору. Даже невинным. У султана мания преследования, он в каждом видит врага.

Шекер Пара казалось, что только она одна его и понимает. Любить самого Ибрагима трудно, уж больно он непредсказуем и противоречив, но жалость к нему настолько порою сильна, что способна заменить и любовь. Потому что ради Ибрагима Шекер Пара готова на все.

Она теперь безраздельно царит в его сердце и во дворце Топкапы. Даже всемогущая Валиде притихла. Хотя Кёсем-султан никогда не сдается, и все это прекрасно знают. Шекер Пара тоже начеку и каждый день ожидает от свекрови подвоха.

Это одна из причин ночных кошмаров и султанской фаворитки, которая тоже спит плохо. Но далеко не главная. Те-

перь у Шекер Пара есть все, что только можно пожелать: золото, драгоценности, лучшие покои, соболиные меха, десятки услужливых рабынь, а главное – сын, шехзаде Баязет. И нет соперниц. Ибрагим отдал приказ вновь набрать гарем, но девушек еще не привезли.

Турхан-султан напугана пытками и казнью сотен наложниц, и тем, что сама едва не стала жертвой навета. Салиха и вовсе глупышка, носа из своих покоев не кажет. И шехзаде Сулеймана никуда не пускает. Несчастный ребенок тих, словно он и не принц, а мышонок, так и липнет к матери. А чему может научить Салиха? Разве что покорности своей судьбе.

Шехзаде Сулейман для Шекер Пара не опасен. Иное дело шехзаде Мехмед и его мать, Турхан-султан, башхасеки, старшая жена. Она ведь все еще мать наследника, хоть и притихла пока.

Беда в том, что Баязет слаб. Беременность протекала тяжело, роды тоже были нелегкими. И мальчик родился на удивление маленьким, хилым, да еще и болезненным. Когда Шекер Пара смотрела на сына, любовь к нему мешалась с безразличностью: «И это мой сын?! Будущий великий воин?! Почему же он так не похож на дядю, красавца Исмаила? Который и в колыбели был сильным и кричал во всю мощь своих легких». Шекер Пара тогда было всего-то четыре года, но она почему-то запомнила все, что было связано с рождением любимого брата.

Баязет ничуть на него не похож. Он похож на отца, а султан Ибрагим не отличается воинственностью. Вот почему ночи Шекер Пара были такими беспокойными. Она думала о будущем и страшилась его. Все так зыбко и призрачно. Все их с братом мечты. А хотелось бы уверенности.

Сначала Шекер Пара обратилась к придворному астрологу. Попросила его составить гороскоп шехзаде Баязета. Старик долго не откликался, пока любимая хасеки падишаха сама не пришла. Шекер Пара с досадой вспоминала, как седобородый астролог плел словесные кружева, а порою и просто блял, будто старый козел. Ничего не понять, набор бессвязных фраз. Шекер Пара была не настолько глупа, чтобы не разобраться в его начертаниях, то бишь «гороскопе».

Придворный астролог, похоже, заупрямился предсказать судьбу новорожденного шехзаде. Звезды, мол, еще не готовы. Надо подождать месяца три. А пока никакого гороскопа нет. Не существует. Это и встревожило султаншу.

– Я хочу знать, будет ли мой сын падишахом? – Шекер Пара достала еще один мешочек с золотом. На, подавись! Ты и так уже купаешься в деньгах, и Валиде сюда ходит, и Турхан! У Шекер Пара старик тоже не мало денег вытянул, а толку? – Хоть на один вопрос я могу получить ответ, челеби? – зло спросила она.

А не казнить ли упрямого старика? Одно слово на ушко Ибрагиму, в момент, когда он еще расслаблен после того, как побывал на вершине блаженства, в экстазе. О! Шекер Пара

прекрасно научилась ловить такие моменты, чтобы заполнить новые привилегии или щедрые подарки! А то и чью-то голову.

Астролог словно почуял беду. Вмиг подобрался:

– Какой вопрос хочет задать прекраснейшая из госпожей? – льстиво заглянул он в по-прежнему яркие зеленые глаза толстухи-султанши.

На самом деле это был главный вопрос, который ее волновал. Станет ли Баязет падишахом, а она – Валиде? Шекер Пара так и сказала:

– Будет ли мой сын падишахом, вот что я желаю знать!

– Все сыновья султана Ибрагима хазретлири, пережившие младенческий возраст, станут правителями османов, – угодливо склонился придворный астролог, косясь на мешочек в руке у хасеки.

– Что значит: все? – удивленно вскинула брови она.

– Так говорят звезды, госпожа. Все шехзаде отмечены небесами, хвала Аллаху! – и старик воздел высохшие морщинистые руки к небу, тряся козлиной бородкой.

– На, – Шекер Пара кинула ему мешочек с золотом. Астролог не успел его подхватить, и золото с похоронным звоном рассыпалось по каменным плитам.

Шекер Пара вздрогнула: дурной знак! Астролог нагнул голову, чтобы хасеки не видела его вспыхнувших глаз. Это судьба, звезды сказали правду.

А султаншу ждала еще одна бессонная ночь. В конце кон-

цов Шекер Пара решилаcь пригласить во дворец гадалку. Султанша слышала о старинном арабском гадании на песке и на думала к нему прибегнуть. Хотя раньше мало верила предсказаниям кликуш. Но сейчас Шекер Пара была на грани отчаяния после визита к придворному астрологу.

...Гадалка оказалась и не старухой вовсе, а молодой женщиной, да еще и красивой. Шекер Пара ревниво смотрела на яркую одежду гадалки и ее дорогие украшения. Не скупятся, видать, богатые турчанки на дары этой «предсказательнице». Да можно ли ей верить?

– Начинай, – велела она, подозрительно глядя на гадалку, которая достала из-за расшитого золотом широкого пояса какой-то мешочек.

– Велите всем выйти, госпожа, да окна надо задернуть. Все, что здесь сейчас свершится – тайна. Только вы и я. Больше никого.

«А если она меня зарежет?» – в ужасе подумала Шекер Пара. «Вдруг ее Валиде подослала? Или... Турхан?»

– Не бойтесь, госпожа, вы умрете не сегодня, – усмехнулась гадалка. – Не я ваш враг. А вы сами. В вас горит огонь, который сжигает все и всех, но и вас он не пощадит. Уймите его, если хотите жить. Жажда золота – вот пламя, в котором вы сгорите.

– Тебя зачем позвали? – разозлилась Шекер Пара. – Ты тоже берешь золото за свои сказки.

– Но вам же надо во что-то верить, – усмехнулась гадал-

ка. – Неизвестность мучает вас, госпожа. Я даю слово, что отвечу ровно на один ваш вопрос. Но чистую правду. Остальное не в моей власти.

– Всего один? – нахмурилась Шекер Пара. – А почему не больше? Золота у меня много, могу купить все ответы. На все свои вопросы.

– Вы уже пытались. Ответов не будет, – отрезала гадалка. – Я ухожу.

И она попыталась убрать заветный мешочек обратно за пояс своего роскошного платья.

– Стой! – Шекер Пара проворно схватила гадалку за руку. – Я согласна! Один вопрос – один ответ и много золота. Все выйдите! – велела она рабыням.

Они с гадалкой остались вдвоем в полной тишине и почти в темноте. Горела одна лишь масляная лампа, Шекер Пара вдруг стало страшно. Всего один вопрос. О чем же ее спросить, эту странную гадалку?

А та меж тем взяла поднос, на котором горой лежали фрукты, и ловким движением опрокинула его. Груши и яблоки покатались по полу, рассыпался спелый виноград, пачкая дорогой ковер, но султанша даже не вздрогнула. Она думала лишь о том, что спросить у гадалки? Ей показалось, что та разом постарела и подурнела, изменившись в лице. Теперь это была старая ведьма, черная колдунья. Или это тени так причудливо ложились на ее красивое лицо?

А гадалка развязала мешочек, в котором оказался мор-

ской песок. Просто песок, и ничего больше. Этот песок гадалка высыпала на серебряный поднос и привычным движением руки стремительно разровняла, а потом любовно, уже осторожно и с нежностью разгладила.

– Надо завязать глаза, – сказала она Шекер Пара.

Султанша покорно подставила голову. Гадалка достала изумрудный шелковый шарф. Шекер Пара невольно вздрогнула: как она узнала?! Ее любимый цвет. Шелковая ткань обвила каштановые с золотым отливом кудри необъятной султанши. Сзади гадалка завязала шарф почти невесомым узлом. Шекер Пара почувствовала, как ей в руку что-то суют. Это была острая деревянная палочка.

– А теперь выбрось все мысли из головы, – шепнула гадалка. – Все забудь. Представь, что ты облако и тебя несет по воле ветра.

Она положила руку, в которой султанша держала палочку так, чтобы запястье касалось края стола.

– Позволь руке свободно двигаться, – шепнула гадалка и повторила: – Ни о чем сейчас не думай. Ты – лишь облако. Лети!

И забормотала что-то на древнем языке, или то был язык магов и чародеев? Словно невидимая паутина оплела султаншу, погружая ее в грезы.

Шекер Пара почувствовала странную пустоту в груди. Голова тоже была пустой. Султанша забыла обо всех своих желаниях. Это случилось еще до ее рождения. Звезды сошлись

и вспыхнули разом, а их сияющий свет пролился на землю. И родилась девочка с зелеными глазами, которой суждено было изменить историю. Так и будет. Все – впереди.

...Она невольно вздрогнула: кто-то остановил ее руку с деревянной палочкой. Гадалка! С глаз сняли повязку.

– Ну, вот и все, – услышала Шекер Пара и прищурилась. Глаза снова привыкали к показавшемуся вдруг невыносимо ярким свету масляной лампы.

«Где я сейчас была?» – подумала Шекер Пара, чувствуя приятное головокружение. «По ту сторону жизни? Или... в будущем?»

– Можешь позвать своих служанок и открыть окна, – громко сказала гадалка. – Теперь нам нужен свет, много света!

Шекер Пара с недоумением смотрела на рассыпанный перед ней на серебряном подносе морской песок. Какие-то черточки, точки, кружки... И это она начертала? Похоже, что она была в трансе. И что сие означает? Она так и спросила:

– Что это?

– Твоя судьба, – сурово посмотрела на нее гадалка.

– И какова она?

– Смотри сама. Думай. Я же отвечу лишь на один твой вопрос, как мы условились.

Шекер Пара уставилась на поднос. Вроде бы эти черточки складываются в домик. Спросить у гадалки, будет ли у

любимой хасеки султана Ибрагима свой дворец? А эти две линии похожи на дорогу. Их пересекают две другие, волнистые. Море? А может, это несметные богатства? Дань из-за моря, которую султан отдаст ей в приданое, когда совершится никях.

«Стой! – одернула она себя. – Думай! Всего один вопрос и один ответ!»

Не деньги в этом мире главное. Дворцы, сундуки, набитые золотом, слуги, вкусная еда... Все это в избытке у того, у кого в руках безграничная власть. А у кого из женщин в османской империи власть? Безграничная – только у матери султана. Но между Баязетом и османским тронem стоит не один шехзаде. Шекер Пара может обойти их всех лишь при одном условии: только она станет законной супругой падишаха. Подобно Сулейману, женившемуся на Хюррем, Ибрагим совершит с ней, Шекер Пара, никях. И так же как сын Хюррем, не будучи старшим принцем, взошел на престол, сын Шекер Пара Баязет обойдет своих старших братьев. Вот разгадка!

– Скажи, султан Ибрагим совершит никях? Будет ли мать его сына законной женой падишаха?

– Да, – ровным голосом ответила гадалка. – Султан Ибрагим скоро женится на матери своего сына.

– Слава Аллаху! – у Шекер Пара появилась надежда.

Она почему-то была уверена: гадалка не врет. Вопрос задан и ответ получен. Тот, которого султанша и ждала. По-

этому она заплатила гадалке вдвойне.

– Я плачу и за песок, – кивнула Шекер Пара на серебряный поднос. – Надеюсь, ты им не дорожишь?

– Это обычный морской песок, – пожала плечами гадалка, неторопливо пряча золото. – Что ты еще хочешь узнать? Только посвященные могут толковать эти знаки.

– Но почему ты не хочешь сказать больше? Я щедро заплачу.

– Не все можно купить, – холодно сказала гадалка. – Твою судьбу нельзя изменить, гос пожа. Мы договорились, и я свою часть договора выполнила. Прощай.

Долго еще Шекер Пара вглядывалась в знаки, начертанные на песке ее рукой. И где тут никях? Где власть? Где дворец, набитый богатствами?

Просто надо верить. У султана Ибрагима скоро будет законная жена, перед которой склонятся все, и даже Валиде. Это судьба.

* * *

Санджак-бек, или, как сказали бы прежде, *губернатор* Батуми, Паат Абашидзе жил, как на вулкане. Незавидная должность ему досталась. Эти упрямые грузины не желали отуречиваться! То и дело в Аджарии вспыхивали восстания, народ уходил в соседнюю Гурию, бежал в Имеретию, а оттуда и дальше, в Россию, туда, куда еще не добрались проклятые

турки, насаждающие на захваченных землях ислам.

Сам князь теперь звался *пашой*, дабы сохранить свои земли и власть, он пошел на сделку с турецким султаном, согласился принять ислам. И платить огромную дань. Но удержать в повиновении чернь, а в особенности гордых грузинских князьков паше Абашидзе было непросто. Шпионы доносили, что многие из них приняли ислам лишь для видимости, но тайно по-прежнему совершают христианские обряды и прячут под турецкими кафтанами православные кресты.

Аджария закипала, крестьяне отказывались платить налоги турецкой казне и отдавать своих женщин в гаремы любвеобильных богатых турков, на севере разбойничали терские, а в особенности гребенские казаки.

Эти казаки не подчинялись никому, хотя уже посматривали в сторону русских, так же, как и грузины. По слухам, грузинский царь Александр задумал отправить послов в Москву. И просить у русского царя покровительства и защиты от турок и разбойников-казаков. Поэтому и паша Абашидзе был крайне осторожен, ведя политику в Батуми вроде бы в пользу Османской империи, но втайне сочувствуя тем, кто вливался в сопротивление наглým захватчикам. Сам Абашидзе тоже мечтал снова стать князем, независимым правителем, который не платит унижительную дань и не подчиняется приказам из Стамбула.

Ведь кто сейчас сидит на османском троне? Безумец, сластолюбец, развратник, убийца и настоящий варвар! Падид-

шах Ибрагим не воин, он и на коня-то не садится, саблю в руках не удержит, его авторитет среди янычар все больше падает. Паши и визири ропщут, опять-таки по слухам, в Стамбуле зреет заговор. И кто взойдет на трон? Малолетний шехзаде Мехмед? При регентше-валиде! Кёсем-султан или Турхан-султан, без особой разницы. Женщина будет править огромной империей, ты подумай! Да ей тогда быстро конец придет. Вот и задумался *паша* Абашидзе крепко.

Турецкий султан слаб, поэтому в его армии брожения. Эта затянувшаяся война на Крите истощает казну. Чем больше турки втягиваются в войну на Средиземном море, тем слабее их влияние здесь, на Кавказе. И когда сюда придут русские, все разом переменится. Поэтому и в спальне у Абашидзе в заветном тайнике лежал православный крест. А ну как и в Батуми зреет заговор? Если вдруг вспыхнет восстание, Паат Абашидзе встретит заговорщиков с крестом в руке и напомним, что он грузинский князь, из древнейшего рода, правящего на этих землях аж с седьмого века! Когда царь Арчил второй пожаловал предку Паата Абашидзе Абеше эти земли с титулом тавади, то бишь князя.

Паша Абашидзе тяжело вздохнул. Его маленькая армия таяла в этой пока еще необъявленной войне. А что, если грузины с русскими объединятся? Тогда надо будет скоренько переметнуться на их сторону.

Все правильно: слабые тянутся к сильному. А из безумного падишаха Ибрагима какой защитник? Все, что волнует

султана – это его гарем. Вот опять: пришло письмо из Стамбула. О военной помощи ни слова, зато новые требования. Падишах велит прислать ему в Топкапы красивых девственниц-грузинок. Недавно Ибрагим в припадке безумия утопил весь свой гарем, и об этом узнали в Европе, потому что одной из рабынь удалось спастись. Ее казнили почти последней, и евнухи от усталости мешок завязали плохо. Девушка, оказавшаяся испанкой, сумела освободиться и рассказала о чудовищной массовой казни.

«Добром это не кончится», – снова вздохнул несчастный санджак-бек. От него требовали денег и рабов, а он всерьез опасался за свою жизнь. Не казнит султан за нерадивость, так свои же и подкараулят где-нибудь в горах да прирежут. Из дома лучше не выезжать, и стражу во дворце надо бы усилить.

– Что делать, Гульбудах? – с тоской спросил он вечером у жены. – Где я возьму грузинских девственниц для султана? Да еще рабынь. Послать отряд в горы разве? А если мои воины напорются на этих отчаянных разбойников-казаков? И какая нелегкая принесла их в эти края. Говорят, казаков согнали за разбой с их земель, там, в холодной России. Теперь до царя далеко, и можно разбойничать всласть. Мне-то что делать?

– Зачем тебе рабыни, Паат? – ласковой кошечкой прильнула к нему Гульбудах. – Грузинские князьки бедны, но зато тщеславны. Видел бы ты, как кичатся их жены! Платья

в заплатах, глаза голодные, а все туда же! За стол не сядут, пока трижды не позовешь!

— Да знаю я, — с досадой сказал «князь-паша». — Ни деньгами их не соблазнишь, ни почетными должностями. Не хотят принимать ислам — и все тут. А силой заставишь — жди бунта. Дома жгут, женщин уводят в горы, лишь бы нам ничего не досталось. А падишах — пришли мне девственниц!

— Договориться можно, — вкрадчиво сказала Гульбудах. — Скажи какому-нибудь захудалому князьку, что его дочка станет султаншей. Мол, падишах Ибрагим жениться надумал. Может, кто и не прочь породниться с самим султаном.

— Обмануть? — вздрогнул паша.

— Да кто ж узнает? Стамбул далеко, султан высоко. Да и, по слухам, недолго ему осталось править. А малолетке гарем не нужен. Вернут девчонку нетронутый, вот посмотришь.

— Да если бы ты была провидицей, жена, — проворчал Патабашидзе. — Но в одном ты права, женщина. Время надо тянуть. А там либо ишак издохнет, либо падишах умрет. В Стамбуле и впрямь беспокойно.

— Вот и тяни время. У обнищавшего князя Бесо Кобадзе три дочки, старшая на выданье. Красавица писаная, я ее видала. Рослая, пышная. Как раз таких наш падишах, по слухам, и любит. Скажи князю, что его Нани будет султаншей. Да и отошли ее в Стамбул. Остальных уж как-нибудь соберешь. А девственницы они или нет — кто их здесь будет проверять? Стамбул далеко, султан высоко, я тебе уже сказала.

Паша Абашидзе подумал, что с женой ему повезло. Гульбудах далеко не красавица, зато царского рода, да Абашидзе уже давно притерпелся к ее огромному носу и маленьким, невыразительным глазкам. Грудь у жены плоская, живот, напротив, висит бурдюком, из которого едва отпили вина. Но ведь ночью все кошки серы. Да и паше с его заботами не до плотских утех. Двух сыновей ему Гульбудах подарила, чего еще желать? Разве что перебраться куда-нибудь в тихое местечко из Батуми, в котором пороху больше, чем денег. Того и гляди рванет!

* * *

Княгиня Тамара невольно вздрогнула: опять дочка что-то разбила! Нечаянно или очередные капризы? Муж вчера пожаловался:

– С Наной надо что-то делать. Шестнадцать лет, а на вид так перестарок. Все двадцать дашь. Рослая, крупная, груди как два арбуза. Ум же – как у пятилетнего ребенка. Замуж бы ее выдать, так перед людьми стыдно. Ест за троих, причем лучшие кусочки выбирает. Подавай ей ягненка, да блюдо долмы, которое девчонка за один присест уминает, да сладостей побольше. Вчера говорю ей: лучшие куски надо матери отдавать. А она как засмеется! Будто слабоумная.

– И не говори, Бесо. На днях я тоже не выдержала. Никакой скромности у девчонки! Только бы ей наряжаться, при-

чем, в блестящее. Тащит все, словно сорока. Ты подумай только! У прислуги грошовый браслет отобрала! Нина, горничная, плакала. У младших сестер Нана тоже все отбирает, пользуется тем, что сильнее. Поколачивает их, будто и впрямь ребенок еще. А ведь невеста!

– Поучила хоть? – сочувственно спросил князь Бесо.

– По щекам отхлестала, – призналась Тамара. – А она мне: вот стану царицей, велю тебя кнутом пороть! Это матери!

– Не ребенок, а чудовище! – покачал головой князь.

– Да какой же она ребенок, Бесо! Ты на нее посмотри! Она уже на голову выше меня! А замуж отдать – и впрямь, стыд один. Ну как я сватье в глаза потом посмотрю? А зятю своему? Нана ведь и его капризами замучает! Живем мы почти в нищете, на богатое приданое денег нет. А отдать Нану в бедную семью – так вся Аджария нас будет позорить! И месяца не пройдет, как ее назад отошлют, – княгиня Тамара чуть не плакала.

– Вот тут ты права, – тяжело вздохнул муж. – Обманывать порядочных людей нехорошо, а правду сказать – кто ж нашу Нану за себя возьмет. Но любовь, говорят, зла. А ну как приглянется Нана кому-нибудь? И сама полюбит.

– Да никого она не любит, кроме себя! – в сердцах сказала несчастная княгиня.

Это было вчера. А сегодня с самого утра началось! Дочка занемогла по-женски, а она ненавидела эти дни. Отказывалась понимать, что с ней такое происходит. Что она не де-

вочка уже, а женщина. И это будет с ней теперь каждый месяц, и боль, и кровь, и неудобства.

– Нана посуду бьет, – прибежала в слезах к княгине горничная. – Делать-то что? Я ей завтрак в комнату принесла, пожалела. А она – хрясть чашку чая на пол! Вон, руку мне обожгла! – и плачущая Нина показала хозяйке обваренную кисть всю в водянистых волдырях.

– Господи, дай мне силы!

И Тамара, скрепя сердце, пошла к старшей дочери. Похоже, дьявол в нее вселился. Тамара уже и к священнику ходила, и к лекарю. Батюшка, которого удалось отыскать с трудом, потому что православная церковь подвергалась гонениям, сурово сказал:

– Молись, дочь моя. Это твой крест. Бесов бы изгнать. На днях приду к вам тайно. Ночью. Готовься.

Бесов изгнали, то есть обряд провели, но лучше Нане не стало. Зато лекарь утешил:

– Это возрастное. Созрела девушка. Вот родит – успокоится. И боли пройдут.

А пока выписал капелек. Вот с этим пузырьком Тамара и шла сейчас к дочери. Нану она застала ревущей в три ручья. На полу валялись осколки разбитой посуды и остывшая еда. Тамара дрожащей рукой налила в чашку капли и осторожно подошла к дочери. Кто его знает, что взбредет Нане в голову? Рука у нее тяжелая, это Тамара и на себе уже почувствовала. Только двое слуг, мужчины, могут рослую и невероятно

сильную Нану удержать, когда она буйствует. А сейчас как раз такой момент, потому что девушку мучают месячные боли.

– Ма-а-ма... – заревела Нана. – Мне бо-о-ольно...

– Потерпи, что тут поделаешь? Это наша женская природа.

– А я не хочу! – Нана резко села на кровати.

– На-ка, выпей, – Тамара с опаской протянула дочери чашку.

– Это вкусно? – с любопытством спросила Нана.

– Да, – соврала Тамара.

Дочь нехотя сделала пару глотков и сморщилась:

– Фу! Горько! Ты меня обманула!

Тамара еле успела отскочить. Еще одна чашка полетела на пол и разбилась вдребезги. Ну что за характер!

– Я запру тебя в твоей комнате! – жестко сказала княгиня. – И кормить тебя не будут до завтрашнего утра!

– Так нельзя! – Нана вскочила. – Я хочу есть! Слышишь? Есть!

– Ешь с пола, – разозлилась мать. – Пора тебе уже повзрослеть.

И она торопливо направилась к двери. Только повернув в замке ключ, княгиня Тамара перевела дух. Слава Богу, что две другие дочки ласковые, покорные. И хорошо воспитаны. Вот с ними проблем не будет. Сын тоже радуется. А Нана – это их крест. Говорят же, что в семье не без урода.

Предлог пригласить князя Кобадзе в свой дом у санджак-бека вскоре нашелся. Обнищавший грузин опять просрочил выплаты казне. Паша Абашидзе прекрасно знал, что денег князю Бесо взять негде, дела его плохи. Год неурожайный, крестьяне бегут из-под гнета турок. Земля больше горит, чем плодоносит.

Паша голову был готов дать на отсечение, что турецкий кафтан, который Кобадзе каждый раз надевает скрепя сердце, у князя единственный. Тщательно вычищенный и местами заштопанный, кафтан этот выглядел жалко. Тем не менее сам князь Кобадзе голову держал высоко. И на роскошь в доме *паши* Абашидзе смотрел с презрением: проданся бывший князь Паат туркам за власть и золото. Но не все такие.

– Проходи, князь Бесо, садись, – милостиво кивнул ему санджак-бек. – Угощайся.

Блюда он намеренно выбрал турецкие, и стол накрыли не по-европейски. С намеком: Абашидзе теперь не князь, а паша. Ислам принял. Кобадзе вынужден был опуститься на колени, чтобы сесть. Но к еде не притронулся, хотя паша опять-таки голову готов был дать на отсечение, что князек-то голоден. Но эта гордость родовая! Скорее сдохнет, чем склонится! Таковы они все!

«Ничего, я тебя сейчас поучу», – хитро прищурился Абашидзе.

– Дело у меня к тебе, князь Бесо. И ты знаешь какое.

– Денег нет ни абаза, – отрезал тот. – Что хочешь из дома

возьми, но заплатить налоги я туркам не могу.

– Да что у тебя взять? Ковры молю побиты, посуда медная, в сундуках одни мыши. Или прячешь от меня серебро?

– Ищите, – гордо посмотрел на санджак-бека обнищавший князек. Когда так смотрят, и в самом деле за душой ничего нет.

– Хочу тебе долг списать, – притворно вздохнул паша Абашидзе. – Великая милость тебя ждет.

Князь Бесо сразу насторожился.

– Веру не продаю, – отрезал он. – Ты хотел, чтобы я принял ислам – так я принял. Больше не проси. Намаз по пять раз в день совершать не буду!

«За такие слова тебя бы на кол», – разозлился санджак-бек, но сдержался. Дело лучше решить полюбовно.

– Знаю я твои тайны. Как батюшка к тебе заходил, видали. По краю ходишь, Бесо. Но я тебе помогу. Забуду твои грехи против турок. Полюбовно все решим. Говорят, у тебя дочка есть. Красавица писаная и уже заневестилась, – вкрадчиво сказал паша.

– Да кому какое дело? – нахмурился князь Бесо. Что-то в его лице пашу насторожило, но он не придал этому значения.

– Падишах Ибрагим надумал жениться. Вот я и подумал: чем грузинская княжна ему не невеста? Хочешь породниться с самим султаном?

– Шутишь, должно быть.

– Выкуп за невесту тебе предлагаю – долг твой прошу. За

год, – поспешно добавил паша.

– Подумать надо, – князь отвел глаза.

– Думай, только быстро. Корабль в Стамбул через две недели отходит.

– А что вдруг такая спешка?

– Так и падишах уже не молод. Родит твоя дочка сына – отцом турецкого султана можешь стать, не только тестем. Разве не честь? – насмешливо спросил санджак-бек.

Он прекрасно знал, что для гордого грузина, так и не согласившегося по-настоящему сменить веру ни за какие посулы, это все равно, что нож в сердце. Породнить грузин с турками мечтали давно. Отуречить упрямцев, выдав их дочерей за правоверных. Да плохо пока получалось. Разве что силой.

Но князь Бесо внезапно согласился:

– Хорошо. Сам султан в зятях – это честь для меня. Но про выкуп не забудь: я вам, *туркам*, больше ничего не должен.

– За год. А потом будешь платить, как обычно.

– Авось разживусь: дочка денег из Стамбула пришлет, – насмешливо сказал князь.

«Дождись», – подумал паша Абашидзе, а вслух сказал:

– Во дворце Топкапы не житье, а мед! Все женщины султана купаются в золоте. Ничего для них не жалеют. Счастье тебе выпало, радуйся!

«Я и радуюсь», – тайно усмехнулся Бесо.

... – Неужто избавимся? – с надеждой спросила княгиня Тамара. – Да еще и с выгодой?

– Они думают, овечку в Стамбул повезут, а мы им дьяволицу подсунем.

– А ну как Нана и до Стамбула не доберется? Утопят ее или забьют до смерти.

– Она отныне – собственность султана Ибрагима. Не посмеют. До Стамбула Нана доберется, а вот дальше... Помилуй ее Господь! – и Бесо перекрестился. Хорошо, что паша Абашидзе не заставил кафтан расстегнуть. На груди князь Бесо и впрямь прятал православный крест.

– Дочь как-никак, – поежилась княгиня. – Получается, мы ее продаем. А то и на верную смерть посылаем.

– А тебя кто спрашивал, когда замуж выдавали? Живем ведь, – пожал плечами муж. – Пути Господни неисповедимы. Говорят, все женщины султана в золоте купаются. Едят досыта. А нашей слабоумной Нане что надо? Нарядиться во все блестящее да есть до отвала. Там ей будет хорошо. Об этом думай.

– Но как мы ее-то уговорим?

– Предоставь это мне.

... – Ты ведь хотела стать царицей, Нана? Отец это устроил. Ты едешь в Стамбул, чтобы стать женой султана.

– Стамбул – что это? – подозрительно спросила девушка.

– Столица Османской империи. А твой жених – ее правитель. Ты станешь турецкой царицей. Языку тебя немного

научили, хоть и скверно ты говоришь, но все главные слова знаешь.

– Да-а-а!!! – захлопала в ладоши Нана и закружилась в танце. – Я буду царицей!!! Слышали вы все? У меня теперь всего будет много! И еды, и платьев!

Мать с грустной улыбкой смотрела на ее веселье. Неужто повезло? Все довольны. Главное, Нана довольна и добровольно поднимется на борт турецкого корабля. Это и в самом деле будет похоже на свадьбу. Дочка отправляется замуж за море. Никто их с князем не осудит. А долг туркам прощен.

Княгиня украдкой смахнула слезу, дочка все-таки, и пошла собирать дорожный сундук. Сказал же муж: пути Господни неисповедимы.

«Ну и кто кого обманул?» – подумал князь Бесо, провожая глазами парус на горизонте. Нана уплыла в Стамбул, и в доме сразу наступило веселье. Младшие дочери словно ожили, княгиня выглядела так, будто сбросила с плеч тяжеленный груз. Даже помолодела. Но больше всех радовались слуги. Особенно Нина, горничная, которой княгиня на радостях подарила Нанину безделушку. Дочка впопыхах ее забыла.

– Спасибо, – счастливо улыбнулась Нина, надевая на руку дешевенький браслет. И подумала:

«Да хоть бы она утонула, эта чертовка! И никогда сюда больше не вернулась».

– Что там за крик? – капитан галеона, взявшего курс на Стамбул, Саид-ага с удивлением посмотрел на своего помощника. – Иди-ка, узнай.

И невольно поморщился. Женщина на корабле – к беде, а тут наложниц султану везут! Два десятка их в трюме. А одна визжит, будто ее режут!

– Девчонка одна разбушевалась, – сказал запыхавшийся помощник, вернувшись не так быстро, как капитану хотелось бы.

– И чего кричит?

– Требуется отдельную каюту и прислугу. Ногами топчет.

– Да что ты говоришь? – рассмеялся Саид-ага.

– Говорит, что она невеста султана, – вторил ему помощник. – У него таких невест – три сотни в мешках на дне Босфора. А может, и больше, кто знает?

– Идем, глянем, – капитан передал штурвал одному из матросов: – Так держи.

– Слушаюсь, господин!

В темном трюме царил настоящий разгром. Визжащая Нана швыряла в своих товаров оловянную посуду и топала ногами:

– Я невеста султана! Где мои платья? Я хочу есть! Хочу пить! Почему вода тухлая?!

Другие рабыни смотрели на нее с испугом. Забитые и давно уже покорные своей судьбе, они сжались от страха, увидев мужчин. Сейчас будут бить! А то и за борт выкинут! Эту ненормальную – первой.

– А ну замолчи! – прикрикнул на нее капитан. – Чего бу-
янишь?

– Я невеста султана! Буду твоей царицей! Вели, чтобы мне дали слуг! И воду я эту пить не хочу! – девчонка пнула ногой ведро, вода в котором и впрямь отдавала тухлятиной.

– Какая ты невеста! – взревел Саид-ага. – Ты рабыня! Заткнись, не то за борт полетишь!

– Я не рабыня! – завизжала Нана. – Я грузинская княжна! У меня всегда были слуги! А теперь я буду царицей!

– Да ты в своем уме? – расхохотался капитан. – Тебя еще даже в гарем не взяли! У падишаха и без того семь жен! И детишек куча.

– Да кто ты такой?! – топнула ногой Нана. – Приеду к турецкому царю – велю тебя казнить!

– За борт ее! – скомандовал взбешенный турок.

– Погодите, ага, – тронул его за плечо дальновидный помощник. – Султан велел гарем опять собрать. Девственниц требует со всех своих земель. А вы посмотрите на этих, – он кивнул на сжавшихся в комок рабынь. – Похоже, схитрил паша Абашидзе. В притонах батумских набрал весь этот сброд. Да есть ли среди них хоть одна девственница? Только эта девчонка и годна, – указал он на разъяренную Нану. – И

красавица, и наверняка девственница. Да еще и княжна.

– Я княжна! – гордо вскинула голову Нана.

– Если мы привезем к падишаху один только сброд, нам не сдобровать. Санджак-бек скажет, что отправил в подарок падишаху красавицу-девственницу, грузинскую княжну. И где она? Отец девушки все подтвердит, а он грузинский князь. Хоть и захудалый, но благородных кровей. Его слову поверят. И что с нами тогда будет?

– А ведь и верно, – пробурчал Саид-ага. – С меня спросят. Но как привезти в гарем самого падишаха такую строптивую девчонку?

– А это уже не наша печаль. Девчонку и без нас утопят. Судьба ей быть в мешке на дне Босфора с таким характером. А мы пока позабавимся. Добро пожаловать на борт, принцесса, – кривляясь, склонился перед Наной помощник капитана.

Тот рассмеялся и тоже нагнул голову:

– Чего изволит госпожа?

– Так-то, – довольно сказала Нана. – Хочу отдельную каюту и служанок.

– Распорядись, – с усмешкой кивнул Саид-ага помощнику. – Что ж, поиграем в эту игру. Невесту везем султану. Так всем и скажи. Пусть и матросы позабавятся.

И направился к лестнице.

– Идем, – кивнул Нане помощник капитана и внимательно осмотрел остальных женщин. – Ты, ты и ты. Вы трое – за

мною.

Две совсем еще юных девушки и одна рабыня постарше, явно выдавшая виды женщина, торопливо поднялись с грязного пола. Служанки живут получше, чем живой товар, который везут, будто скот. Можно хоть воздухом подышать на палубе да поесть повкуснее.

Каюта для Наны нашлась хоть и убогая, зато отдельная. Она сморщила было, нос, но ее более опытная товарка схватила девушку за руку, шепнув:

– погоди, не сразу. Секрет тебе скажу.

И любопытная Нана притихла. Служанки быстро и с удовольствием стали наводить в своем новом жилище порядок, матросы тем временем принесли в каюту дорожный сундук княжны.

– Платье у тебя больно бедное, – вздохнула старшая из служанок. И сказала: – Я Анна, из адыгов.

– А где это? – с любопытством спросила Нана.

– Не знаешь, и хорошо. На наше селение напали турки, моих родителей и братьев убили, а меня захватили в рабство. Продали на невольничьем рынке. Трех хозяев я сменила, пока в бордель не угодила, теперь вот, к султану везут, – усмехнулась Анна. – Только я давно уже не девственница. И тебя научу, как султану угодить. Если доберешься до его покоев.

– Я его невеста!

– Девочка ты еще и, видать, глупенькая совсем, – тяжело вздохнула Анна. – Сегодня тебе повезло, но не искушай

судьбу. Обманули тебя. Невест султану мать выбирает. Да и не женится он, у турок не одна жена, а много, и все – рабыни. Правду тебе сейчас сказали: у падишаха уже семь жен. Хозяин мой говорил, старый турок. Рад был от меня избавиться, санджак-бек хорошие деньги предложил, – со злостью сказала Анна. – А по мне, хоть в Стамбул, хоть в петлю – все едино. Женщина для турок не живой человек, а вещь, запомни это. Только хитростью и можно выжить в неволе. Так что успокойся и хорошенько подумай. А я тебе помогу. Красивая ты, а главное, девушка еще, – Анна с легкой завистью вздохнула.

Она прекрасно понимала, что ее участь незавидна. Даже служанкой в гарем не возьмут, скорее, опять отправят на невольничий рынок, где ее купит небогатый, но сладострастный турок, возможно, уже старик. Поэтому Анна и решила прилепиться к «принцессе». Девчонке повезло уломать капитана, и она не полетела за борт, рыбам на корм, зато заполучила отдельную каюту. Таким дурочкам всегда везет. Но Судьбу искушать не стоит.

Поэтому Анна распустила пышные, но спутанные волосы девушки и принялась с любовью, нежно и аккуратно приводить их в порядок, приговаривая:

– Ладная ты, молодая. Пользуйся. Каких бы женщин султан ни имел, а местечко в его постели всегда найдется. Какая-нибудь да подвинется. А там уж не теряйся, девушка. Путь к сердцу мужчины лежит через постель. Ниже пояса он

думает быстрее всего. Вот и держись за то, что ниже. Выше не поднимайся. Ума тебе бог все равно не дал.

— А как это? — с любопытством спросила Нана. — Что там ниже, за что надо держаться?

— Я тебе картинки нарисую, — улыбнулась Анна. — Дорога дальняя, освоим мы эту науку. Заодно и язык выучишь, говоришь ты по-турецки пока еще плохо... Ну, чего встали? — прикрикнула она на двух других рабынь. — Вещи княжны надо просушить. Тащите все из сундука на палубу. Заодно воздуха свежего глотнете да кости разомнете. Всему-то вас научи...

* * *

Фатъма-султан все приглядывалась к новой служанке. Да можно ли ей верить? Несчастливая Разие была верна, хоть и глупа. Ну как можно было допустить, чтобы любовная записка попала в руки брата?!

Казнь гарема Фатъму потрясла настолько, что она на какое-то время даже забыла о своих чувствах к Исмаилу. А что бы было, не спрыгни Разие с балкона? Или это Исмаил ее толкнул? Как бы то ни было, об их связи никто не узнал. Казнили сотни невинных женщин, а мать помалкивает, будто так и надо. Но глаз с незамужней дочери не спускает. Фатъма понимала: выжидает. Если уж Кёсем-султан что задумала, то не отступит. А задумала она избавиться от хра-

нителя султанских покоев.

Исмаил вернулся с Крита живым, а не должен был. Вот уже больше месяца Фатьма его не видела даже издали, в саду. И под ее балконом Исмаил не появлялся: опасно. Служанка, заменившая Разие, так и ходит по пятам за своей госпожой.

– Эй, как тебя? Ширин!

– Чего желает госпожа? – почтительно склонилась девушка.

Личико у нее было простодушное, жидкие светлые волосы будто прилизаны, а глаза бесцветные. В одалиски ее не взяли, определили служанкой. Она вроде бы судьбе своей покорна, но в душу ведь не заглянешь.

«Это мать ее прислала, не иначе», – Фатьма подозрительно посмотрела на услужливую девушку, украинку, кажется. А скорее Турхан определила ее шпионкой, ведь Ширин – ее землячка. Но зачем Турхан следить за сестрой султана? Своих забот хватает, главная – как стать Валиде после смерти Ибрагима. Вон, еще один шехзаде родился! А его мать чуть ли не каждую ночь бывает в султанских покоях. Падишах вспыльчив и своенравен, однажды он уже чуть не убил Мехмеда, кинув его в бассейн... Внезапно Фатьму осенило:

– Хочу поведать шехзаде Баязета, – покои Шекер Пара были ближе всего к заветной комнате, отведенной Исмаилу. Он-то почему бездействует? Неужели разлюбил? Испугался?

Нет, только не Исмаил! Такие, как он, не отступают. Ради того, чтобы избавить любимую от ненавистного жениха,

Исмаил поехал на войну и чуть не погиб. Но жизнь в гареме – это тоже война, только тайная. И здесь побеждает не храбрый и сильный, а терпеливый и хитрый.

Фатма затосковала. Время вроде бы вылечило ее страх, за месяц все в душе улеглось. И вновь проснулась любовь, желание почувствовать объятья молодого и красивого мужчины. Его поцелуи. Снова сладко закружилась голова. Увидеть бы его хоть издалека. Может, повезет, и Шекер Пара вместе с Баязетом сейчас в покоях у султана? Там же рядом и Исмаил. Надо подать ему знак: не разлюбила, приди.

Фатма поспешно накинула на голову темный платок. Вдова должна быть скромной, особенно трижды вдова. Кто бы знал, какое пламя бушует под темным платьем! Какая страсть сжигает несчастную султаншу!

– Идем, – кивнула она служанке.

Проведать племянника можно в любое время. Фатма припасла оберег от сглаза, повесить на колыбель Баязета. Уж больно он слаб. По дворцу гуляют слухи, что несчастный шехзаде почти не ест, да и плачет он редко. Маленькие дети должны кричать. Да еще эта жара проклятая. Говорят, несчастного ребенка замучила потница. Да много чего говорят, и в конце обязательно добавляют, что это Шекер Пара Аллах наказал. Но за что? За то, что единственная из всего гарема осталась жива?

Странно все это.

– Передай Шекер Пара-султан, что я пришла провести

племянника, – надменно сказала Фатьма поспешившей ей навстречу рабыне.

Эта новая султанша уже переплюнула остальных хасеки в своем неумном желании роскоши и почестей. В ее покоях день и ночь толпятся слуги, которые нюхом чуют золото. Фатьма, как и все женщины османской династии, получившие свой титул по рождению, с неприязнью относилась к выскочке. Но именно через ее расположение лежал сейчас путь в покои падишаха и к их хранителю. И Фатьма смирила гордость.

К ее огорчению, любимая хасеки брата оказалась в своих покоях, а не у мужа. Сюда же принесли и Баязета.

– Госпожа чем-то огорчена? – вкрадчиво спросила Шекер Пара, невольно отметив, что Фатьма с безгливостью смотрит на малыша и, с минуту подержав его на руках, отдала рабыне.

– С чего ты взяла? – невольно вздрогнула Фатьма. – Просто скучаю.

– Так ведь вы – госпожа. Может, вместе сходим на рынок? Полюбujemyся на украшения.

– У меня и так всего вдоволь, – с досадой сказала Фатьма. – Хотя...

Она подумала, что надо бы купить кое-что для Исмаила. Какой-нибудь небольшой подарок. Может, и удастся его передать. Не вечно же мать будет ее сторожить?

– Я знаю одного ювелира... Покажи ожерелье! – велела

Шекер Пара одной из служанок.

С недавних пор они и в самом деле кружились здесь, как пчелы на цветочном лугу. Все знали щедрость падишаха к своей фаворитке. В этих покоях золото лилось рекой, служанкам тоже перепадало.

– Не надо, я уже видела его, – с досадой сказала Фатьма. – Хотя... Да, принеси.

Изумруды напоминали ей глаза Исмаила. Любуясь камнями, Фатьма вспоминала, как эти глаза ее ласкают, как в них загораются золотые искорки, а потом взгляд Исмаила становится тяжелым, будто он хочет парализовать ее волю. И заставить служить себе.

«Да я и так уже его раба», – подумала Фатьма, перебирая яркие камни. Шекер Пара тайно следила за ней из-под опущенных ресниц. Похоже, созрела султанша. Пора. Надо брату сказать.

Исмаил велел ждать. После того как по гарему султана пронеслась буря, все затаились и следят друг за другом. Умные давно уже поняли, что утопленные в Босфоре наложницы невиновны, иначе признались бы под пытками. Ни одна из них записку через Разие не передавала.

Что будет, когда падишах узнает правду? Ведь он лишился почти трех сотен рабынь, молодых и красивых. Тщательно отобранных для султанского гарема.

– Завтра и пойдем на рынок, – негромко сказала Шекер Пара, следя за белоснежными холеными пальцами султан-

ши, невольно ласкающей огромные изумруды. – Надо будет Валиде доложить. Она ведь вас ни на шаг от себя не отпускает. Сделайте так, чтобы мы вдвоем на рынок пошли.

– Это еще зачем? – вздрогнула Фатьма.

– Вам же лучше будет, – с намеком сказала хасеки и вдруг подмигнула.

«Что с ней такое? Заразилась безумием от моего брата?» – невольно подумала Фатьма. Но меньше всего ей хотелось рассказывать об этом матери.

Кёсем-султан сильно сдала за последние месяцы и, как и все, невыносимо страдала сейчас от зноя. Она почти не выходила из своих покоев и даже меньше, чем обычно, занималась государственными делами.

– Когда же только спадет эта невыносимая жара! – сказала она с досадой, глядя, как Фатьма присаживается рядом.

Дочь не пыталась встретиться с Исмаилом и была покорна. «Или это лишь видимость?» – гадала Кёсем-султан, внимательно рассматривая Фатьму. Тиха, бледна, задумчива. А не муки ли это любви? Фатьма тоскует, потому и бледна.

– С чем пришла, дочка?

– Шекер Пара на рынок зовет, развеяться. Украшения, говорит, посмотрим. Может, что и купим.

– Что ж, сходи, греха не будет, – кивнула Валиде. – Эта женщина ненасытна. Я хочу знать, что она купит. О чем думает, чего еще хочет.

– Мама, я не доносица! – вспыхнула Фатьма. – Не пойду!

– Пойдешь, – жестко сказала Валиде. – У этой дьяволицы теперь есть сын. Уж с кем мне не хотелось бы бороться за власть, так это с ней. Она умна и очень хитра. Гораздо умнее, чем ты, хоть ты и царской крови, Фатьма. Не обижайся, мать правду говорит. Уберечь вас можно, только выдав замуж за надежных людей. А вы упрямитесь.

Фатьма подавленно молчала. Она будто игрушка, вещь, а не человек. И мать, и брат, и жены брата – все дергают несчастную султаншу за ниточки, а своей воли у нее нет. Но есть желания. Уж если отдаться чье-то воле, так пусть это будет любимый мужчина. И все, кто мешает счастью Фатьмы – ее враги.

...На рынок они с Шекер Пара отправились с наступлением сумерек, когда жара немного спала. Две женщины, похожие на экзотических бабочек в своих коконах из тончайшего яркого шелка, чьи нежные крылышки тщательно спрятаны от посторонних глаз. Лица закрыты, волосы убраны под хиджабы. Никто не знает, что это султанши, хотя...

Разве от народа что-нибудь скроешь?

– Вот она, дьяволица, – внезапно услышала Фатьма и вздрогнула. – Толстая, как бочка. Лопает в три горла, ненасытная тварь, а мы голодаем!

Фатьма невольно схватила Шекер Пара за руку: неужто не боится?

– Колдунья!

– Убийца!

– Чтоб ты сдохла! – неслось им вслед.

Народ ненавидел султанских жен, которые опустошали казну. Это из-за них султан вводил все новые и новые налоги, а то и откровенно грабил купцов, ремесленников и крестьян. Ибрагиму было все равно, как живет его народ, и народ отвечал ему враждой, сначала тайной, а теперь и открыто высказывал недовольство. Стамбул стал похож на пороховую бочку, осталось, чтобы и знать потеряла терпение. Кто-то должен был зажечь фитиль. И тогда рванет!

– Сюда, – Шекер Пара проворно нырнула в одну из дверей.

Оповещенный о визите султанш ювелир уже ждал. Настроения после свары на рынке у Фатьмы не было совсем, и она нехотя стала перебирать дорогие украшения. К ее удивлению, Шекер Пара тоже смотрела на них лишь из видимости. И будто прислушивалась. К чему?

– Выбрали что-нибудь, госпожа? – нетерпеливо спросила она.

– Вот эту шкатулку, – Фатьма взяла наугад одну из безделушек.

Шекер Пара тоже ткнула пальцем в золотой браслет:

– А мне это.

Фатьма с удивлением отметила, что браслет с рубинами. Всем известно, как Шекер Пара их ненавидит, потому что Валиде нарочно задаривает ее именно рубинами.

«Что это с ней? Похоже, украшения ее совсем не интересуют. Но тогда зачем мы здесь?»

– Выпусти нас через черный ход, – велела Шекер Пара ювелиру. – Чернь недовольна, что мы здесь.

– Понимаю, госпожа. Идемте. Прошу вас – сюда.

Султанши поспешно нырнули в низкую дверь, за ними – слуги. Повеяло прохладой и пахло сыростью. Потолок был низким, где-то в темноте капала вода. Это, похоже, была кладовая. Фатма наткнулась на что-то мягкое и невольно закричала, когда это мягкое зашевелилось.

Дом ювелира, на первом этаже которого и находилась лавка, оказался большим, задних комнат было много, и они напоминали запутанный лабиринт. Здесь жили домочадцы мастера и его слуги. Комок тряпья под ногами у Фатмы оказался маленькой девочкой, которая, похоже, пришла полакомиться втихаря чем-то вкусным. Ребенок не издал ни звука, увидев женщин и их свиту. Фатма еще никогда такого не испытывала, это было настоящее приключение. Даже когда казнили ее братьев, султанша была вне опасности, ее хранили под семью замками, как драгоценную монету. Да она таковой и была. За нее покупали преданность визирей, связывая их с падишахом кровными узами. Вокруг Фатмы всегда была роскошь, и вот она увидела нищету. Ребенка, крадущего еду.

Любопытство мешалось в ней со страхом, Фатма вся дрожала, идя из комнаты в комнату и напряженно вглядываясь в темноту. И как она на это поддалась?! Никто бы ее не тронул, она ведь дочь падишаха и сестра падишаха!

«Я глупая и безвольная, правильно мама сказала», – мысленно простонала Фатьма.

Шекер Пара шла первой, казалось, она ничего не боится. Пройдя по узкому прохладному и темному коридору, они оказались, наконец, в похожем на сундук небольшом дворе. Со всех сторон женщин и их свиту окружали стены, и лишь наверху – кусочек неба, будто крышка от этого сундука, такое оно было темное. В щели еле сочился свет. Пока Фатьма переживала это захватывающее приключение, совсем уже стемнело. Она с трудом разглядела заклепки-звезды из тусклого золота.

– Сюда, – приглядевшись, кивнула Шекер Пара на одну из низеньких дверей, больше похожую на лаз. Тут уже и Фатьма их заметила, эти глухие двери. Но эта была приоткрыта.

А сундук-то с секретом!

– Что там? – с опаской спросила Фатьма.

– Посудная лавка.

– Но мне не нужна посуда!

– Эта нужна, – усмехнулась Шекер Пара. – Я вас уверяю, госпожа, что такой посуды вы во всем мире не найдете. Еще благодарить меня будете. Рабы пусть тут дожидаются. Скажите им, что мы идем за покупками.

Заинтригованная Фатьма пошла за невесткой, велев своим слугам остаться во дворе. Что за тайны?

– Карине, – негромко позвала Шекер Пара. – Седа... Где вы?

Им навстречу из темноты выступила совсем еще молоденькая темноволосая девушка.

– Он уже здесь? – нетерпеливо спросила Шекер Пара.

– Да. Ждет.

– Идите за Карине, госпожа, – обернулась Шекер Пара к Фатьме. – А я пока посуду для вас выберу. Времени мало, спешите.

– Одна я никуда не пойду! – испугалась Фатьма, когда девушка по имени Карине схватила ее за руку и потащила в темноту. – Пусти меня!

Но девушка неожиданно оказалась сильной, и Фатьма испугалась еще больше. Неужели ее похитили? Но зачем? От страха у султанши подогнулись ноги. Она позволила Шекер Пара завлечь себя в ловушку!

– Пусти... – из последних сил взмолилась Фатьма, почти уже потеряв сознание. Она не привыкла к насилию, во дворце до султанши никто и пальцем не смел дотронуться.

– Тише... – ее подхватили сильные руки. – Иди сюда... ко мне...

– Исмаил, – удивленно прошептала она. О, Аллах, этот голос! Будто сладкая музыка. – Ты здесь...

– Это дом моего отца.

– Отца... Но...

Фатьма пригляделась. Они были в маленькой комнате, где горела единственная дешевая масляная лампа. Повсюду была посуда, медная, серебряная...

– Не самое подходящее место для свидания, но что делать, – рассмеялся вдруг Исмаил. – Я не видел тебя сто лет... Я соскучился...

И он стиснул ее так, что Фатъма невольно застонала. Тут же в ее рот, заглушая стон, впились его нетерпеливые губы. Она словно нырнула из ледяного омута, в который по самую макушку погрузил ее страх, в огненную реку. Сразу стало жарко, голова закружилась. Фатъма почувствовала спиной одну из полок, к которой Исмаил ее притиснул, ноги подогнулись. И тут раздался грохот: посыпалась посуда.

– Совсем голову потерял, – негромко рассмеялся Исмаил. – Я тебя напугал?

– Нет... Шекер Пара напугала. Я думала, что меня похитили.

– Да. Это я тебя украл. Иди ко мне...

Они снова жарко принялись целоваться. В кладовой было почти темно, она была маленькой и донельзя захламленной, но Фатъме казалось, будто она в пещере, полной сокровищ. Вокруг мерцали бока серебряных кувшинов и изгибы чеканных кубков, а низкий темный потолок и вовсе был цветным от фейерверков, их зажигали в Фатъме поцелуи Исмаила, который почти уже не сдерживался.

– Я скучала... Но почему Шекер Пара заодно с тобой?

– Ты еще не поняла? Она моя сестра.

Фатъма ахнула. Так вот в чем все дело! Они заодно! И эти зеленые глаза... Неужели никому до сих пор не бросилось

в глаза сходство Шекер Пара и Исмаила? Хотя в остальном ведь они совсем не похожи...

– У нас мало времени, – Исмаил оглянулся на дверь. – Я тебя не забыл, – торопливо сказал он. – Никому не доверяй, кроме моей сестры, поняла?

– Да, – покорно кивнула Фатма.

– Ты должна ей помогать. Мы будем встречаться здесь, в этой лавке. Пока ветер не переменится. Надо, чтобы падишах совершил никях с моей сестрой, тогда в ее руках будет безграничная власть. И Валиде уже не сможет нам с тобой помешать. Я женюсь на тебе...

Фатма кивала: да, да, да. Она плохо понимала, что говорит Исмаил. Он был рядом, он ее обнимал, и ее всю затопил восторг. Она вошла в огненную реку и расплавилась в ней. Фатма сама стала огнем. Горячей лавой, которая текла по полутемной кладовой, огибая ноги Исмаила и поднимаясь все выше и выше...

– Фатма... Нам пора... – он мягко отстранился.

– Как? Уже? – простонала она.

– Мы будем вместе. Навсегда. Но не сейчас. Тебя скоро хватятся. Мать станет тебя допрашивать. Будь терпеливой, а главное, будь хитрой. Слушай мою сестру, она умна. Как только Баязет взойдет на трон, нас с тобой уже ничто не разлучит.

– Баязет?

– Я должен стать пашой, чтобы на тебе жениться, – нетер-

пеливо пояснил Исмаил. – Кто даст мне этот титул, кроме моего племянника? Или Валиде, если Ашхен станет матерью султана.

– Ашхен? – Фатъма еще плохо все понимала.

И тут она услышала, как открылась дверь и голос Шекер Пара позвал:

– Баграт, пора.

И опять она не поняла. Какой Баграт? Где он?

– Иди, любимая, – Исмаил мягко направил ее рукой на голос, звучащий из темноты. – Мы скоро опять увидимся.

И исчез. Фатъма почувствовала, как ее взяли за руку и опять куда-то потянули. Султанша уже не сопротивлялась. Столько событий за один только день! Жизнь в гареме была однообразной и невыносимо скучной, а тут вдруг у Фатъмы забилось сердце, да так быстро, что она стала задыхаться.

Она даже положила руку на грудь, чтобы унять это биение. Другой рукой Фатъма цеплялась за свою невестку, которая уверенно вела ее по темному коридору.

И вдруг они вышли на свет и оказались в просторной комнате, где Фатъму с низким поклоном встретил худой старик с потухшими карими глазами. Она не сразу поняла, что это хозяин лавки, а значит, отец Исмаила. Они были совсем не похожи.

– Прошу, госпожа, – угодливо сказал старик.

В нем не было и искры того огня, что пылал в двух его детях, Ашхен и Баграте. Они уродились какие-то особенные,

в отличие от того же Акопа или Седы. Младшая, Карине, была ни то ни се. А вот зеленоглазые брат с сестрой, похоже, унаследовали кровь своей матери, Гаспар толком и не знал, откуда родом его жена и кто ее предки.

Сам он до сих пор боялся всего, особенно после того, как ему с двумя дочерьми пришлось ночью бежать в Эдирне. Несчастный Гаспар уже ничего не понимал. Его дочь – султанша, сын – эфенди, важный чин, а ему, Гаспару, нельзя никому об этом говорить и открыто признавать своих детей. Теперь к нему приходит госпожа, сама сестра султана, и хочет какой-то дешевый кубок, явно ее недостойный. Зачем ей это? И зачем она здесь? Это какой-то обман.

Фатьма же схватила протянутый кубок так жадно, будто в нем была живая вода. Наконец-то понятно, что надо делать! Шекер Пара и Исмаил вступили в заговор с целью захватить власть. Надо им помочь, а значит, пойти против матери. С ней-то и будет главная борьба за власть. А еще с Турхан.

Но Фатьма уже сделала свой выбор. Во дворец они возвращались молча. Только в самом конце пути Шекер Пара негромко сказала:

– Валиде все узнает. Слуги мне верны, но золота никогда не бывает много. И ваша Ширин, госпожа, она наверняка подосланная. Либо молчите, либо стойте на своем: ходили за покупками.

Фатьма кивнула, на этот раз молча. Ради Исмаила она теперь выдержит все.

– Как все это странно, – задумчиво сказала Кёсем-султан, выслушав доклад своего соглядатая. – Кубок, говоришь, купила?

– Да, сиятельная Валиде. Обычный серебряный кубок.

– Но моя дочь никогда раньше не интересовалась утварью. Тем более это неприметная лавчонка на базаре. Что-то тут не то. Скажи мне, когда Фатьма пойдет туда снова. А она пойдет. И выясни все об этом мелком торговце. Кто он, откуда, про его жену и детей.

– Он вдовец.

– А дети?

– Я все узнаю, госпожа.

– Вот и узнай! – Кёсем-султан нахмурилась. – Заговор я чую в зародыше. А этот уже давно созрел. Семена скоро даст. Лишь Аллах нам поможет. Ступай.

Как только ага ушел, она велела рабыне:

– Вели никого не пускать. Письмо буду писать.

Фатьму срочно надо пристроить, да и мальчишку приструнить, чтобы не рассчитывал на благосклонность самой сестры султана. Поэтому Кёсем-султан написала Юсуф-паше, что пора бы подумать о свадьбе. Чтобы не тянул и к зиме возвращался в Стамбул. Дела на Крите шли ни шатко ни валко, осада Кандии грозила затянуться. А Кёсем-султан нужны сейчас верные люди в Диване. Зять ее поддержит, а поскольку он видный военачальник, то и власть династии укрепит. Мужем Фатьмы должен стать Юсуф, а не какой-то хранитель

покоев, попавший во дворец по девширме.

Отправив на Крит письмо, Валиде немного успокоилась.

...В середине сентября солнце вспыхнуло так яростно, будто собралось спалить Стамбул. Но все уже понимали, что после этого невыносимый зной пойдет на убыль, осталось потерпеть совсем немного. Шекер Пара беспокоилась за маленького сына. Баязет затих и вот уже два дня ничего не ел. Лекарша все пыталась понять: то ли у малыша жар, то ли он так страдает от зноя. От Баязета не отходили ни на шаг, Шекер Пара велела прислать аж трех кормилиц во дворец и сама их тщательно осмотрела. В ее огромной груди молока было мало, вот странность.

Шекер Пара надеялась, что все пройдет, как только на небе появятся тучи. Станет прохладнее, и Баязет поправится. Две ночи она почти не спала, но на третью не выдержала. Она уснула в своих покоях, велев рабам не спускать с Баязета глаз. Лекарша пристроилась тут же, у колыбели шехзаде, на топчане.

Похоже, что крепко спали все. Солнце, наконец, сжалилось и утром долго нежилось в перине белоснежных облаков, которые становились все гуще. Небо напоминало взбитые сливки, которые кое-как запеклись лишь к обеду, когда солнце все же проснулось.

«Сколько же я спала?» – в ужасе подумала Шекер Пара, открыв глаза. В покоях было непривычно тихо. Дремали рабыни, сладко посапывала лекарша, даже стража у дверей

стояла с закрытыми глазами, а один всхрапнул так, что Шекер Пара услышала и невольно вздрогнула. Потому что этот звук был самым громким из всех, которые она слышала. И непривычно тих был Баязет.

Он и раньше-то не кричал, а лишь кряхтел, но какие-то звуки издавал, возясь в своей колыбели. Слух у Шекер Пара обострялся, когда она смотрела на кроватку сына. Теперь же тишина стала мертвой.

– Кто-нибудь, – она поняла, что голос осип. Никто даже не шевельнулся. – Айше! Зухра! Проснитесь же! Мой сын! Разбудите моего сына!

Лекарша вздрогнула и открыла глаза. Шекер Пара увидела, как женщина вскочила и метнулась к Баязету. Сама она не двигалась. «Еще ничего не случилось. Мне *показалось*. Это все от жары».

Но ведь прежней жары уже не было. Рабыни тоже проснулись и мигом обступили колыбель Баязета, закрыв его от матери. Шекер Пара, не двигаясь, лежала на своей огромной роскошной кровати и боялась спросить. Сказать хоть слово. Она все еще *надеялась*.

– Госпожа... – подала голос лекарша. – Шехзаде Баязет... Он умер...

– Не-е-ет!!! – по-звериному закричала Шекер Пара, обретя наконец голос. – Мой сын жив!!!

Она вскочила, но тут же пошатнулась. Перед глазами все поплыло. Утопленницы, освободившись из своих мешков,

хохотали, показывая на нее раздувшимися пальцами:

– Ты больше никто! Твой сын мертв!

– Ваш сын мертв, султанша, – громко сказала одна из рабынь.

– Казнить, – процедила Шекер Пара сквозь зубы и подала знак евнуху. – В мешок ее. И лекаршу тоже.

– Опомнитесь, госпожа, – укоризненно сказала калфа, прибежавшая на крик. – Аллах на вас и так уже прогневался. Спасите то, что есть.

– У меня больше ничего нет! – Шекер Пара со стоном повалилась на кровать.

Ей вдруг стало плохо.

– Таз... – прохрипела она. – Быстрее... Меня сейчас стошнит...

...Валиде лишь развела руками:

– На все воля Аллаха.

Но Шекер Пара, стиснув зубы, видела, как змеятся в улыбке увядшие губы свекрови. Как открыто улыбается Турхан и даже дурочка Салиха светится от радости, не скрывая своих чувств.

Все кончено. Не быть Шекер Пара Валиде, нет у нее больше сына. Обманула гадалка. Наврал астролог. Вот кого надо казнить!

Отыскать этих двоих и привести! Немедленно!

– Да кто ты такая? – надменно посмотрела на нее Валиде. – Титул хасеки тобой отныне утерян. Ты можешь гулять

во дворе для фавориток, так и быть. Но лучше не попадайся мне на глаза.

Фатьма-султан, которая присутствовала на поминках как член династии, сидела потухшая. И для нее тоже все кончено. Исмаил сказал, что он должен стать дядей султана, чтобы возвыситься. А теперь у них нет шехзаде, нет и надежды.

«Обманщики», – Шекер Пара почувствовала, что ее опять мутит. Эта тошнота не проходила со дня смерти Баязета. Не хотелось ни есть, ни даже пить. В конце концов позвали лекаршу.

Шекер Пара безучастно глядела в стену, лежа на опостылевшей золоченой кровати. И вдруг услышала:

– Поздравляю, госпожа, вы в положении.

– Что?! – она резко обернулась.

– Аллах даст, вы снова станете матерью. Родите еще одного шехзаде.

– Я беременна! – она рассмеялась, все еще боясь поверить. – Ты уверена? Это не ошибка?

– Ну как тут ошибешься? – улыбнулась лекарша, хищно глядя на мешочек с золотом, который достала султанша. – Весной вы снова родите. И это опять будет мальчик, – польстила она всесильной хасеки.

Шекер Пара щедро одарила лекаршу за добрую весть и велела служанкам:

– Одеваться! Быстро! Я иду к султану. И пусть все знают: я опять ребенка жду!

Выходит, нет никакого обмана? Все еще будет? И никак, и сын-падишах? Она заплатила по выставленному счету за тех мертвецов. Он теперь обнулен. Все надо начинать сначала. Но надежда есть.

Предсказание нельзя изменить.

Безумие

* * *

– Вон он, Стамбул! – Анна показала рукой куда-то вдаль, у нее было острое зрение, но другие девушки еще ничего не видели.

– Где? Он красивый? – заволновалась Нана.

– Не знаю, я там не была, как и ты.

– А твой старый турок?

– Он дважды побывал в Стамбуле. Сказал, что там очень много людей, город богатый, а султанский дворец огромен. И полон золота. Только туда пускают лишь избранных.

– Я буду здесь царицей! – Нана захлопала в ладоши. – Этот красивый дворец скоро будет мой!

– Ну что, принцесса, видишь уже свое *счастье*? – услышал ее радостный крик капитан галеона и злорадно сказал: – Я от тебя, похоже, скоро избавлюсь. А уж там тебя поучат, – Он кивнул на едва виднеющийся в дымке дворец Топкапы. Они держали курс именно туда, сначала в бухту Золотой рог. А потом через пролив – к северным воротам, открытым лишь для обитателей султанского гарема.

Нана словно не слышала. Она пританцовывала, нетерпеливо глядя вдаль. И все допытывалась у Анны, что говорил

ее старый турок об Османской столице и о султанском дворце, куда их сегодня привезут:

– А там красиво? Еды много? Сладкого очень хочется. И барашка жареного. Я такая голодная!

– Говорят, что на кухне во дворце трудятся аж пятьсот человек, – невольно вздохнула Анна.

Вот где хорошо, сытно! Небось, всегда можно ухватить кусочек послаще. А работы она давно уже не боится. Главное, прилепиться к смазливой девчонке, она-то уж точно попадет во дворец. С ней и просочиться в заветные ворота. А там, глядишь, и на кухню пристроят. Анна невольно облизнула губы. Ей тоже приелась однообразная еда на корабле и затхлая вода, которой запаслись еще неделю назад, во время последней стоянки.

– Скорей бы! – Нана нетерпеливо притопнула. Теперь и она видела высокие минареты Айя-Софии, будто плывущие в рассветной дымке.

Саид-ага, обернувшись к своему помощнику, с презрением процедил сквозь зубы:

– Какая же она дура. Капризная, злая девчонка. Первым делом ее высекут, потом запрут в темнице. Поголодает – поумнеет... Или не поумнеет, – расхохотался он, глядя на ликующую Нану.

– Не поумнеет, отправится рыбам на корм, – вторил ему помощник.

Матросы тоже скалили зубы. Девчонка явно была не в

себе, и все они позабавились, глядя, как она строит из себя принцессу. Это развлекло команду во время долгого плавания, да и на молоденьких служанок, снующих по палубе, смотреть было приятно.

Галеон бросил якорь почти у самых стен дворца. Тут же послали за евнухами из гарема, чтобы сопровождали в Топкапы новых султанских наложниц.

– Что за отбросы ты привез?! – гневно посмотрел на капитана главный из присланных за женщинами белых евнухов. – И как их привести в гарем?! Я на тебя Валиде буду жаловаться!

– А при чем тут я? Спрашивайте с санджак-бека Батуми, он отбирал рабынь для султана. Одна-то уж точно сгодится, – кивнул капитан на притихшую Нану.

Она озиралась по сторонам, пытаясь привыкнуть к незнакомому месту, к тому же впервые оказалась на твердой земле после долгого пути морем. Девушку еще качало, и крепкая выносливая Анна угодливо подставила княжне свое плечо:

– Держись.

– Эту сразу на рынок, – презрительно посмотрел на Анну евнух. – Не годится.

– Я без нее никуда не пойду! – отчаянно завизжала Нана. Евнух оторопел.

– Это еще что? Зачем кричишь?

– Я грузинская княжна, невеста вашего царя! А она – моя служанка, – Нана ткнула пальцем в женщину, которая на вся-

кий случай опустила глаза и вся поджалась.

Неизвестно, чем все закончится. На невольничьем рынке могут сегодня оказаться обе. Евнух подошел к Нане и стал ее внимательно рассматривать. Одобрительно пробежался взглядом по пышной груди и бедрам, оценил густые черные волосы девушки, которые Анна тщательно расчесала, пока подплывали к Стамбулу. Потом бесцеремонно приподнял верхнюю губу Наны, чтобы увидеть ее зубы. И вдруг закричал:

– Ты что делаешь, шайтан тебя забери?!

Потому что Нана его укусила. Капитан с помощником переглянулись: начинается! Но девушка была так хороша, что евнух проворчал:

– Ведите их во дворец. Валиде решит, что делать с этой ненормальной. Руки ей для начала свяжите. А ты будешь брыкаться? – тяжело посмотрел он на Анну.

– Да зачем мне это, господин? – усмехнулась та. – Житье в гареме сладкое, работа легкая. А мужчин я бы век больше не видала. Нахлебалась.

– Ты подруге своей это внуши, – одобрительно сказал евнух. – Она, похоже, только тебя и слушает.

Анна обняла княжну за плечи и что-то зашептала ей на ухо. Нана опять притихла. С Анной было интересно, она рисовала занятные картинки и говорила то, отчего лицо начинало гореть, а низ живота наливался приятной тяжестью. А еще рассказывала о своей родине, о рынке, где людей прода-

вали, как скот, о своих хозяевах. Для чего мужчины покупают молодых рабынь. И что с ними делают по ночам.

Сейчас Анна сказала, что это такая церемония: к жениху здесь ведут со связанными руками. Это знак покорности.

– Ты же хочешь стать царицей?

– Да, хочу, – кивнула Нана и послушно протянула руки.

Девушкам велели закрыть лица и цепочкой повели к воротам. Саид-ага перевел дух:

– Избавились, слава Аллаху! А теперь поднимай паруса, Махмуд, да поскорее отсюда! Я любой товар возьму на борт, и хоть на край света, лишь бы вечером меня здесь уже не было. Месяца через три, когда мы вернемся, о девчонке уже все забудут. И с меня не спросят. Долго она здесь не проживет. Либо спихнут какому-нибудь старому паше в жены, либо задушат. Не евнухи, так подружки. Или отравят. И трех дней не пройдет, как она себе врагов наживет полный дворец.

– Вы правы, господин, – кивнул помощник. – Поспешим отсюда, пока они не опомнились. С нас не спросили. Пускай в Батуми жалуются. Паша Абашидзе тот еще хитрец оказался.

Матросы забегали по палубе, готовясь к отплытию.

А во дворце Топкапы началась Новая Эра.

* * *

«Везучая эта Шекер Пара», – с ненавистью думала Кё-

сем-султан, стоя на открытой галерее под легким ветерком, который веял с моря, и глядя, как рабыни окружили толстую султаншу, наперебой стараясь ей угодить. Шекер Пара решила прогуляться в перестроенном этим летом внутреннем дворе гарема, ее опять беспрерывно мучило.

Она с завистью смотрела на смеющихся юных девушек, которые плескали друг в друга водой из фонтана, играли в какие-то свои игры, а порою уморительно делали вид, что тонут, хотя воды им едва было по плечи, и, закатывая глаза, призывали евнухов:

– Помогите... Умираю... Поцелуй султана меня оживит...

Ибрагима сегодня не было на балконе, откуда он любил наблюдать за своими сладкими «малышками», у султана опять разболелась голова. Шекер Пара с тревогой стала замечать, что ему гораздо хуже, а она опять оказалась не у дел. Приходится часами лежать в покоях, где все окна занавешены, и бороться с тошнотой, то и дело веля служанке подать медный таз.

Хорошо, что осень вошла в зенит, невыносимая жара спала, и теперь можно подолгу гулять в саду, когда боль в желудке утихает. Как сегодня, когда султаншу вырвало несколько раз подряд, но потом лекарша дала какие-то вонючие капли, и они вдруг помогли. А вот какие капли помогут от сердечной тоски? Умер ее сын, ее ненаглядный шехзаде, главная их с Исмаилом надежда. И если бы не новая беременность, послали бы уже в Старый дворец или отправили в Эдирне, яко-

бы для поправки здоровья. Чтобы благополучно там забыть уже навсегда. Но не обманула гадалка, порадовал и астролог, который настаивает на том, что падишах скоро женится. И у него родится еще один сын. Шекер Пара невольно погладила живот: это он, будущий султан.

Она поморщилась, когда раздался новый взрыв смеха. Как же они веселятся, эти девчонки! А вот ей не до веселья. Береги чрево, блюди султанскую честь. Веди себя, как положено супруге, матери возможного наследника трона, которого ты носишь. «Хоть бы это был сын!» – она задержала руку на животе и замерла, словно прислушиваясь. Мальчик, девочка?

Вода в бассейне уже была прохладной, но эти девчонки словно и не замечали. Радовались воле, свежему воздуху, да и султан сюда частенько приходил. Все знали, что его фаворитка опять беременна и что ей худо. Шекер Пара строго наказывала тех, кто разносил по дворцу сплетни, но золото легко развязывает языки, тем более султаншу так мутит, что ей дело сейчас только до себя. И сплетни ползут, будто ядовитые змеи, жалея Шекер Пара в самое сердце. Все знают о ее слабости, и о том, что она опять не бывает в спальне у мужа.

Шекер Пара с досадой подумала, что власть уплывает из ее рук, как и во время первой беременности, потому что Золотой путь теперь открыт, Ибрагим не терпит одиночества, особенно по ночам. Она наблюдала за резвящимися девушками, пытаясь угадать, которая же из них ее новая соперни-

ца. Даже не подозревая, что за ней, в свою очередь, наблюдает из галереи, стоя в тени, всесильная свекровь.

Они сторожили друг друга, две умнейшие женщины, уверенные в том, что в этом противостоянии и развернется главная борьба за власть, и еще не подозревая о том, что Топкапы накрыла огромная черная тень.

И их обеих победит безумие...

– Холодно, идемте, – Кёсем-султан, которая все время мерзла, передернула плечами. – Привезли уже новых рабынь?

– Да, госпожа. Их сейчас осматривают. Многие ведь врут, что девственницы.

– Когда девушек разделят, я хочу посмотреть на тех, кого отобрали для гарема. Выберу двух-трех, их и будут готовить. Нам нужна новая наложница для султана. Его надо отвлечь. Я слышала, что Ибрагима опять терзают головные боли. Он даже не пришел сегодня взглянуть на купание своих любимиц. Ибрагим не пропускает эти часы. Но сегодня я его не вижу. А что хранитель покоев?

– Исмаил, похоже, затаился, госпожа.

– Есть новости о лавочнике, к которому ходила Фатьма?

– Прикажете его схватить и допросить?

– Вы узнали все о его семье?

– Гонец вот-вот вернется.

– Тогда и допросим. У меня сейчас много дел. Не до него. Меня беспокоит сын. Его срочно надо чем-то отвлечь.

...Для султана Ибрагима это и в самом деле было скверное утро. Осенью на него всегда накатывала тоска, хотя жару он не выносил. Но когда розы в дворцовом саду начинали вянуть, а ветер становился свежим, Ибрагим вспоминал, как в одну из таких ночей, в середине октября, его чуть не убили по приказу брата. И ночная прохлада становилась для Ибрагима могильным холодом.

Он чутко прислушивался, спрятавшись за горой подушек на кровати. Что это за шорох? Палачи крадутся к его дверям? Нет, это за окном. Ах, они решили забраться к нему оттуда, зная, что он ни за что не откроет дверь! Кёсем-султан пустила убийц на свой балкон и указала им путь. Ближе всех к нему она, мать. Она знает его лучше всех и знает, как к нему подобраться. Ибрагим весь сжался.

«Голубь», – мелькнула мысль, когда захлопали крылья. Всего лишь птица. Не убийца. Но почему здесь голубь? Что это? Весть? Душа его отца, султана Ахмеда, который сейчас в раю? И зовет к себе младшего сына, последнего из оставшихся в живых.

«Но я не хочу умирать! Я боюсь!»

Он страшился боли, а еще сильнее темноты, когда меркнет сознание. Сколько раз он уже задыхался во время припадков и не помнил потом ничего. Кто знает, есть ли он, рай, или это забытие, без мыслей, без всяких чувств и без запахов? Кто знает правду о смерти? Кто был на том свете и вернулся? Остается лишь верить. Но откуда возьмется вера у

того, кто ненавидит собственную мать? Потому что эта ненависть взаимна. Если нет на земле материнской любви, то и любовь небесного отца – такая же ложь.

Хотелось крикнуть слугам, чтобы позвали Исмаила, но голос куда-то пропал. Султана охватил ужас. «А не умер ли я?» – внезапно подумал он. Это не султанские покои, а могила, на самом деле жизни нет, есть это забытьё, сразу за которым – смерть. Ибрагим посмотрел на потолок, весь завешенный по его приказу зеркалами, и чуть не заорал от ужаса. На него смотрело сверху чье-то злое бородатое лицо с безумными глазами.

Это убийца! Они проникли сверху, через крышу! Да они ее, похоже, разобрали! Крыши больше нет!!! Ибрагим уже ничего не соображал. Он даже не понял, что кричит. Полил-ся дождь, стало вдруг холодно и сыро. Вокруг шеи тоже было мокро. Он вдруг подумал, что тонет. Вот что они задумали! Утопить его! Как и тех женщин! Наложниц! Сверху, через разобранную крышу на него будут лить воду, пока он не захлебнется!

– А-а-а!!!

– Повелитель, успокойтесь! Это я, Исмаил.

Он стиснул руку, тянущуюся к его горлу, и захрипел:

– Так вот ты какой... Это тебя мать послала... Убить меня...

– Пейте же! Это вода...

Он очнулся, но не сразу понял, что лежит на кровати, а

Исмаил пытается напоить его водой. Это она пролилась из стакана на бороду и на подушки. А в зеркале на потолке – его испуганное лицо. Это он, султан Ибрагим хазретлири. Пока еще султан. Повелитель огромной империи.

– Где моя мать? – прохрипел он.

– Валиде-султан осматривает новых наложниц. Девушек доставили во дворец сегодня утром.

– Женщины... Они – смерть...

Он вспомнил утопленниц, которые приходили сюда каждую ночь, чтобы терзать его, и опять застонал:

– Исмаи-иииил.

– Что, Повелитель?

– Я умер?

– Нет, вы просто больны. Похоже на очередной приступ.

– Позови Шекер Пара... она снимет боль, – он схватился за ноющие виски.

– Ваша любимая хасеки беременна, ей нездоровится, – Исмаил чуть не сорвался от досады.

Ну почему сестра так тяжело переносит все, что связано с материнством?! И беременность, и роды, и кормление. Да еще племянник был хилым и быстро умер. А власть уплывает из рук. Фатьма помощница плохая, ею надо управлять, говорить, что необходимо делать.

– Я сам к ней пойду. Помоги мне, – султан попытался встать, опираясь на руку Исмаила.

– Быть может, вам лучше остаться? Скоро ваша мать при-

дет сюда сама. Или хотите, повелитель, я ее позову немедленно?

– Нет! Не надо! Я... Я боюсь ее, – внезапно признался султан.

«Да кто же ее не боится?» – невольно усмехнулся Исмаил. Валиде и его приговорила к смерти. Ждет удобного момента.

– А ты помнишь свою мать? – вдруг пронзительно посмотрел на него султан.

– Плохо. Меня забрали по девширме, а она почти сразу умерла. Помню только, что она вечно была беременна.

– У Кёсем-султан тоже было много детей, – он внезапно назвал мать именно так – Кёсем-султан. Как чужую. – Она убила всех моих братьев.

– Их убили по закону Фатиха. У правящего султана не может быть братьев.

– Нет, это она их убила! Кёсем-султан!

Исмаил понял, что лучше не спорить. У падишаха очередное помрачение рассудка. Надо бы лекаря позвать, да толку? Его снадобья почти уже не помогают. Это похоже на горячий бред.

– погоди... – султан сжал его плечо так, что Исмаил едва не застонал. Безумие наделяет поистине нечеловеческой силой! – Что там за крики?

– Вам показалось, повелитель.

Но Исмаил уже и сам слышал: в гареме кричат. Кричит женщина. Там, похоже, что-то происходит.

– Идем, посмотрим, – в голосе падишаха послышалось любопытство. – Быть может, это кричит моя мать? Похоже на ее голос. А что если... ее убивают? – глаза Ибрагима сверкнули надеждой.

Он ведь догадывался, где источник заговора. Это мать и ее окружение. Не Турхан. Жена еще может его пожалеть, мать – никогда. Она жестокое и безжалостное чудовище, умертвившее всех своих сыновей. Лишь ему чудом удалось спастись, и то он жив всего наполовину. Худшую половину. Потому что лучшая умерла, еще когда он был малышом. Там, в Кафесе...

...Кричала и в самом деле Кёсем-султан. Одна из новых рабынь вела себя непристойно. Девушка была хороша: юная, но уже вполне созревшая, с красивым лицом и приятными округ лостями, высокого роста. Отменный товар. Валиде ее сначала отобрала, но тут началось!

– Я невеста султана! – вдруг топнула ногой девчонка. – Грузинская княжна! Я хочу отдельные покои! И пусть мне принесут туда побольше еды!

Рядом с ней замерла вторая, гораздо старше, потасканного вида, с жирной кожей и сальными волосами. Непонятно, как *эта* вообще попала в гарем? Кто ее сюда впустил? Кёсем-султан пришла в бешенство:

– Что тут происходит?! Да ты знаешь, дрянь, кто стоит перед тобой?! Я мать султана! Хозяйка этого гарема и всей Османской империи!

– А я буду здесь царицей! Это мой дворец!

Девчонка ничуть не испугалась и не смутилась, и Валиде растерялась. Никакого почтения! Да кто ее только воспитывал?! Разве можно кричать на женщину, которая намного тебя старше и выше по положению?

Какая наглость!

– Да откуда ты такая взялась?!

– Из Батуми! Я Нана! Султан мой жених!

– Жени-их?! – Кёсем-султан расхохоталась. Да она просто ненормальная! Какая-то рабыня ведет себя так, будто она ровня самой Валиде! – В темницу ее, живо! Не давать ни еды, ни воды! Запорю до смерти, тварь!

– Ты сама тварь!

– Казнить! Немедленно! – закричала Кёсем-султан.

Евнухи кинулись к Нане, заломив ей руки. И вдруг услышали:

– Стойте!

Сверху, со второго этажа, на них смотрел султан Ибрагим. У него даже головная боль прошла. Ибрагим был в восторге. Кто-то накричал на его мать! Посмел с ней спорить! Эта девушка совсем ее не боится! Она! Не боится! Саму! Кёсем-султан!!!

– Отпустите ее! – приказал он евнухам.

Те разжали руки. Нана задрала голову:

– Ты кто?

– Перед тобой сам падишах! На колени! – ее толкнули в

спину и заставили опуститься на пол.

Кёсем-султан стояла, чувствуя, что почти не может дышать. Она не могла сказать ни слова, стояла, как рыба, внезапно оказавшаяся на суше, безмолвно открывая рот. Сердце замерло, потом забилося бешено, потом опять замерло. В глазах потемнело, и Валиде покачнулась. Она бы упала, если бы не служанка, которая подхватила Кёсем-султан с криком:

– Лекаря! Скорее! Валиде плохо! Спаси нас Аллах! Она умирает!!!

Ибрагим наслаждался сценой. Его зрачки так и впились в мать: неужели? Она сейчас его освободит! Но Кёсем-султан быстро пришла в себя. Она через силу вздохнула и, преодолевая боль в груди, заставила себя сделать еще один глоток воздуха, и еще... Не надо, чтобы кто-то видел ее слабость. Она по-прежнему держит в своих руках Империю и весь этот гарем. Валиде открыла глаза и оттолкнула служанку:

– Прочь! Схватить эту дерзкую и казнить! Немедленно! – она указала на коленопреклоненную Нану. Евнухи держали ее крепко.

Анна невольно сжалась: ну, вот и все. Если эта пожилая, но красивая и статная женщина с короной на голове заметит и ее, то в Ворота Мертвых скоро вынесут обеих: и грузинскую княжну, и ее подругу.

И в этот момент Ибрагим разжал руку, которую уже с минуту держал за пазухой, и со второго этажа, кружась, полетел фиолетовый платок. Он упал аккурат между Кёсем-султан и

Наной, и она удивленно посмотрела сначала наверх, на полного бородатого мужчину со странными блестящими глазами, а потом на женщину, так похожую на ее мать. Которая и кричала на Нану, как ее мать. И грозила, что не даст ни еды, ни воды. Эти матери все, похоже, одинаковы.

– Возьми платок, быстро, – шепнул ей на ухо один из евнухов. – Это твое спасение.

Нана проворно схватила красивый платок и уткнулась в него носом. Он пах чем-то сладким и в то же время возбуждающе. От этого запаха приятно закружилась голова. Евнухи помогли Нане подняться.

– Нет! – гневно топнула ногой Валиде. – Этого не будет никогда! Пока я твоя мать – не позволю!

– Пока еще я здесь султан, – насмешливо сказал ей сверху Ибрагим. – И это мой гарем. Мои женщины. И эта женщина – моя! – указал он на Нану. – Она моя собственность. И я желаю видеть ее сегодня вечером в своих покоях. Все слышали?

– И ты посмеешь этой девчонке унизить свою мать?! – ахнула Кёсем-султан. – На глазах у всего гарема?!

Ибрагим молча повернулся к ней спиной и пошел в покои Шекер Пары. Которая тоже слышала крики, но послала узнать, что случилось, служанку, сама не пошла. Султанша устала после долгой прогулки в саду и теперь лежала, лениво поедая любимые сладости.

Евнухи заколебались. Чей приказ исполнять, падишаха

или Валиде? Но калфы уже засуетились:

– Надо девушку в баню вести.

Кёсем-султан была слишком умна, чтобы раздувать скандал. Много чести какой-то рабыне. Валиде всем покажет, кто хозяйка в гареме: девчонка не доживет до утра. Пусть ее пока ведут в баню. Золотой Путь, он длинный. И начинается не в комнате, где наложницу будут готовить к встрече с султаном. Яд можно подмешать и в сладости, и в щербет, не будет же рабыня сидеть голодной. И пить в хамаме наверняка захочет. А в одном из темных переходов, по пути из гарема в покои падишаха, можно накинуть на шею девушке шелковую удавку, если нахалке удастся избежать отравления.

Ибрагим не в себе. Вряд ли он вспомнит лицо этой наложницы, которую видел всего один раз и к тому же издалека. Надо просто подменить девушку. Найти в гареме такую же высокую, темноволосую. Валиде сделала знак главному евнуху: за мной.

Но Анна была начеку.

– Я с ней, – торопливо сказала она калфам. – Я ей прислуживаю еще с Батуми, я ее землячка. Никто не умеет уложить Нане волосы так же красиво, как я.

– Нельзя, – строго сказала старшая калфа. – Ты еще ничему не обучена. А волосы мы и сами уложим. Радуйся, что жива осталась. А работа тебе найдется. Гарем большой.

– Анна пойдет со мной! – заупрямилась Нана.

Калфы переглянулись. Эти две нахалки и так тут все пе-

ревернули с ног на голову. Валиде такого не позволит. Пусть потешатся. До вечера.

– Ладно, идемте обе. Помоем вас.

Шекер Пара ждала служанку с докладом, когда вошел муж.

– Как ты, мой Сахарок? – ласково спросил Ибрагим.

Она торопливо облизнула пальцы и протянула служанке наполовину опустевший серебряный поднос. Лежит здесь перед горой сладостей, платье расстегнуто, волосы не уложены. Да еще этот таз... с которым у Ибрагима связаны неприятные воспоминания, равно как и с состоянием любимой жены, когда она в положении.

Но Ибрагим был так возбужден, что ничего не замечал.

– Наконец-то! – ликовал он. – Я взял верх! Я показал матери, кто здесь хозяин! Она не дает мне заниматься государственными делами, а теперь вздумала отбирать для меня наложниц!

– Но так было всегда, Повелитель, – осторожно возразила Шекер Пара. – Валиде в гареме главная.

– А я так не хочу! Я знаю: мать плетет против меня интриги! Готовит заговор! И я вышлю ее из дворца!

«Хорошо бы! – подумала Шекер Пара. – Да только слуги-то ее здесь останутся. И визири, которые от нее зависят. Сначала надо обрезать все ее связи и поставить повсюду своих людей, а потом и Кёсем-султан перестанет быть опасной».

– Кто это там кричал? – она погладила руку мужа. Хоте-

ла было к нему приласкаться, но Ибрагим посмотрел на нее пристально, словно впервые увидел, и вдруг отдернул свою руку:

– У меня много дел. Лежи, отдыхай.

И резко встал. Шекер Пара заволновалась: «Что его так разозлило? Или... Я стала некрасивой и противна ему? Да, у него был именно такой взгляд. Ибрагим меня будто сравнивал с кем-то. Надо срочно увидеть брата. Исмаил мне расскажет, что случилось сегодня в гареме. И обязательно поможет».

Она напряженно смотрела в спину уходящего мужа. У нее было странное чувство. Будто она его теряет. Но ничего такого особенного не случилось. Подумаешь, внимание султана привлекла какая-то девчонка. Мало их было? Девчонка не умна, раз кричала на саму Валиде. Значит, жизнь строптивой красавицы скоро оборвется.

«Мне и делать ничего не надо. Это не моя война, свекровь сама разберется. А я, кажется, опять объелась сладкого...»

– Таз! Живо! – крикнула Шекер Пара черноволосой худющей рабыне, мигом забыв про скандал в гареме.

Но остальные не забыли...

* * *

Вернувшись в свои покои, султан первым делом позвал Исмаила:

– Я выбрал девушку на ночь. Проследи, чтобы она оказалась сегодня в моих покоях. Лично отвечаешь.

– И чем же так привлекла ваше внимание эта наложница, повелитель? – сразу насторожился Исмаил, который очень хотел узнать, что за крики были в гареме.

– Она не испугалась Валиде. Я хочу досадить матери, Исмаил.

– Как зовут девушку?

– Не знаю. Я видел ее сверху, со второго этажа. И еще не говорил с ней.

– То есть, вы даже толком не разглядели ее лица? – вкрадчиво спросил хранитель султанских покоев.

– У нее мой платок. По нему ты и узнаешь девушку. Она высокая, темноволосая, я уверен, что она красавица.

– Конечно, повелитель.

– Мать захочет мне помешать, потому я и поручаю это тебе. Узнай, как имя смелой девушки, откуда она родом, и охраняй ее, пока она не окажется в моей спальне. Ты все понял?

– Да, повелитель, – Исмаил попятился к дверям.

Он уже понял, что придется непросто. Девчонка повела себя неправильно, надерзила Валиде. Кёсем-султан этого не потерпит. Исмаил сразу прикинул, что может сделать хитрая и коварная мать султана. И поспешил к себе.

Сначала он велел позвать главного черного евнуха, заступившего на эту должность через два месяца после смерти

прежнего кизляр-аги:

– Султан сегодня выбрал наложницу. Приведи ее, мне велено ее расспросить, кто она и откуда родом.

– Никак нельзя, эфенди! – закудаhtал евнух. – Девушку повели в баню, потом ее будут готовить к ночи с султаном. Красавица только сегодня попала в гарем. И, о счастье! Ее уже заметил падишах! Надо ей все рассказать и обучить, что надо делать. Мы едва успеваем. Простите, эфенди, но я не могу ее к вам прислать.

«Валиде меня, похоже, опередила, – с досадой подумал Исмаил. – Они уже нашли замену. И готовят обеих женщин. Как быть?»

Он хищно посмотрел на жирного чернокожего евнуха, который ростом был гораздо ниже прежнего распорядителя гарема. А не запугать ли его? Приставить к горлу кинжал и слегка надавить. Чтобы кастрат почуял запах своей крови, когда она тонкой струйкой потечет по его жирной шее. И тот словно почувствовал угрозу:

– С ней была служанка, эфенди. Прилепилась как репей, боится, как бы ее не продали на невольничьем рынке. Уже не девственница, да к тому же перестарок. Хотите, я ее пришлю, Исмаил-ага? Они землячки, и вы все узнаете про вторую, ту, которую почтил своим вниманием падишах.

Новый кизляр-ага явно хотел услужить всем. Он понимал, что Кёсем-султан держит власть в своих руках, но и хранитель султанских покоев не дремлет. По дворцу упорно хо-

дят слухи, будто Исмаил метит самому султану в зятя. Хотя кизляр-ага знал и о письме, отправленном почти месяц назад на Крит, в котором Валиде велела Юсуф-паше не мешая вернуться в Стамбул. Так и подмывало сказать об этом мальчишке, чтобы сбить с него спесь.

– Хорошо, зови служанку, – кивнул Исмаил.

...В это время Нана и Анна в сопровождении рабынь оказались у хамама. И тут Анна заколебалась. Они здесь чужие, а та суровая женщина с короной на голове, похоже, главная. А вдруг их с Наной хотят утопить? Говорят, так здесь, в Топкапы, казнят строптивых женщин. В мешок – и в воду.

– Надо будет снять всю одежду? – прикинулась она глупышкой.

– Вы же мыться идете, – рассмеялась калфа. – Не беспокойся, ты получишь новую одежду, чистую, и она будет гораздо лучше прежней.

– Я подожду, пока помоемся Нана. У меня что-то живот заболел, – потупилась Анна.

– Что ж. Жди тут, коли хочешь.

Анна воровато оглянулась и схватила Нану за руку:

– Отдай пока мне свой платок, принцесса. Украдут ведь. А я его тут посторожу, пока ты моешься.

Нана послушалась. Когда калфы ее увели, Анна прижала к носу фиолетовый платок и вдохнула незнакомый приторный запах. Голова слегка закружилась. «Эх, кабы мне к султану в спальню! А эта дурочка, глядишь, и не дойдет до кро-

вати-то».

Анна из любопытства прошла немного вперед по коридору. Гарем оказался такой огромный, что она побоялась заблудиться. К тому же в узких каменных катакомбах порою было темно, хоть глаз выколи. Анна не решилась свернуть в одну из галерей, опасаясь, что не найдет дорогу назад. Даже предприимчивую Анну сковала робость.

Вдруг наверху, на втором этаже, раздались шаги, и Анна невольно прижалась к стене. Она боялась всех. Это глупышка Нана не понимает, что они рабыни и жизнь их теперь ничего не стоит. Воображает себя принцессой. А сама почти уже рыбий корм. От смерти ее отделяет только фиолетовый платок, и то он теперь у Анны. Она торопливо спрятала платок на груди, под платьем. Сжалась в комок, стараясь, чтобы ее не заметили.

Две калфы и тощий евнух вели в хамам какую-то женщину. Анна тут же отметила, что женщина эта очень уж похожа на Нану, особенно издалека. Тоже высокая, темноволосая. А когда процессия подошла ближе, Анна увидела, что ведут совсем еще юную девушку и что черты лица у нее приятные.

– Ты что здесь делаешь? – накинулся на Анну евнух.

– Госпожу свою жду, – пискнула она. – Ее в баню повели.

– И тебе помыться не мешает, – оскалил евнух желтые зубы.

– Конечно, господин. Как скажете, господин, – залебезила Анна.

«Нану убьют, и мне тоже не жить, – в ужасе подумала она. – Господи, что же делать?! У кого искать защиты?!» Она шарахнулась к двери в хамам, за которой недавно скрылась Нана.

– Эй, ты! – услышала вдруг Анна грозный окрик. Она сначала замерла, а потом робко обернулась.

Перед ней стоял чернокожий толстяк, очень уж важный. Одет богато. Анна заволновалась. Сейчас ее схватят и упрячут в темницу. А то и сразу казнят.

– Ты ведь та самая женщина, что прибыла в гарем вместе с рабыней, которую сейчас готовят к ночи с султаном?

– Да, господин, – Анна на всякий случай низко присела.

– Ты-то мне и нужна. Идем со мной.

– Помилуйте, господин, – Анна упала на колени. – Все, что хотите, сделаю! Рабой вашей буду! – и она принялась целовать мясистые черные руки, почему-то пахнувшие луком.

– Да уймись ты! – евнух оттолкнул ее ногой. Анна растянулась на полу. – Пойдешь к хранителю покоев. Он будет спрашивать – отвечай, поняла? Где вы с подружкой познакомились, кто она такая, как зовут.

– А она как же? – Анна кивнула на дверь в хамам. – Кто ее оденет, причешет красиво?

– Не твоя печаль, – рассмеялся вдруг толстый евнух.

И Анне его смех очень не понравился. Она смекнула: двух девушек султану готовят. А в его покои войдет лишь одна. Так которая?

Анна уже успела хорошо узнать мужчин. Добиться их любви ох как непросто, и с первого взгляда она бывает только в сказках. А султан глупышку Нану и не разглядел как следует. Даже имени ее не знает. А вдруг та, другая, ему понравится?

«Что же делать?» – дрожала она, идя по длинному коридору вслед за евнухом. Наконец, они дошли до глухой двери. Возле нее стояла стража. Опытная Анна пригляделась: тоже евнухи.

– По приказу хранителя султанских покоев, – важно сказал сопровождающий Анны.

И дверь открылась. Они спустились по ступенькам вниз и оказались в крытой галерее. Здесь тоже стояла стража, но Анна сразу поняла, что это уже не евнухи. Мужчины. Они скользнули по ней заинтересованными взглядами, но тут же опустили глаза. И она поняла: нельзя. Это другой мир. Какой – непонятно пока, но явно мужской. И женщины сюда допускаются лишь избранные. Тех, кого позвали.

Путь оказался длинным и полным укромных мест, каких-то закоулков, а под конец Анна увидела просторный двор и лестницу наверх, похоже, в гарем.

Анна старалась идти бесшумно, чтобы не привлекать к себе лишнего внимания. Наконец, перед ней открыли какую-то дверь.

– Иди, – сурово сказал сопровождавший ее черный толстый евнух. – И помни: отвечай честно, прояви уважение,

глаз не поднимай, пока не велят. От этого зависит твоя жизнь.

«Кто этот человек?» – дрожала от страха Анна, не смея поднять глаз, как и было велено. Мужчина меж тем ее, похоже, внимательно рассматривал.

– Как зовут? – спросил, наконец, он.

Голос был молодой и красивый. Анну одолело любопытство. Мужчина, а не евнух. Наверняка важный чин. Но что ему надо?

– Анна.

– Как ты умудрилась проникнуть в гарем? Ты ведь не девственница, – в голосе мужчины была откровенная насмешка. Анна решила и подняла глаза. А, была не была.

Что голос! Тут и посмотреть было на что! Стоявший перед ней молодой господин был необычайно хорош собой и одет богато, красиво. Анна утонула в его зеленых глазах, и голова пошла кругом. Еле выговорила:

– Я всего лишь прислуживала Нане на корабле. Она захотела, чтобы я пошла с ней сюда, во дворец.

– Значит, ее Наной зовут? Кто она?

Анна коротко вздохнула. Что угодно для такого сделаешь. Ах, хорош!

– Грузинская княжна. Ей сказали, что султан ее жених. И она здесь будет царицей.

– И она поверила? Она, что, дурочка?

– Она не умна, господин, что правда, то правда, – Анна

осмелела. – Я видела и вторую девушку. Ее, похоже, велела приготовить для царя та важная женщина с короной на голове, которой Нана нагрубила.

– Для султана, – поправил красавец.

– Как скажете, господин, – Анна решилась снова на него посмотреть. Он вдруг улыбнулся:

– А ты не робкая. Где тебя отыскиали? В одном из борделей?

– Где я только не побывала, – Анна невольно вздохнула. – А теперь, видать, отправлюсь рыбам на корм. Нану решили убить.

– Но ведь у нее султанский платок.

– Вот он, – Анна достала из-за пазухи фиолетовый платок.

– Дай сюда, – красавец протянул руку. Анна не посмела послушаться. Платок оказался в холеных руках, на пальцах которых сверкали дорогие перстни. Анна замерла. – А теперь слушай. Ты правильно все поняла. Хочешь жить – делай, как я скажу. Не отходи от Наны ни на шаг. Я распоряжусь, чтобы именно ты ей прислуживала. Возьмешь поднос с едой либо из моих рук, либо из рук дегустатора и отнесешь своей княжне. Мне в гарем входить нельзя. Пусть Нана ест и пьет только это. Когда ее подготовят, пойдешь вместе с ней на половину султана. До Золотого пути. Шаг в шаг, поняла?

Анна кивнула.

– От себя не отпускай. Ну а дальше уже моя забота. Доведи ее до дверей. Не дай отравить девушку или подменить,

пока она еще в гареме. Сделаешь – будешь жить. Мало того: озолотишься.

– А можно мне будет на кухню пристроиться? – робко спросила Анна.

– Зачем тебе на кухню? – насмешливо спросил зеленоглазый красавец. – У тебя другие таланты. Ты мне будешь нужна. Мое имя Исмаил. Обращайся ко мне эфенди или ага. Я хранитель султанских покоев.

– Я буду преданно служить вам, эфенди! – Анна упала на колени и прижала к губам его руку.

Кольцо на среднем пальце было очень уж красивым, а камень в нем огромным. Рука тоже была как и не мужская, такая приятная, с нежной кожей. Но Анна невольно почувствовала ее силу. Красавец руки не отнял, насмешливо смотрел сверху вниз на Анну, стоящую перед ним на коленях. Потом вкрадчиво сказал:

– Службы у меня много. Разной. Переживешь эту ночь – узнаешь.

У нее вспыхнули щеки. Анна преданно посмотрела на своего нового господина:

– Все сделаю, жизнью клянусь!

...Когда она ушла, Исмаил велел стражнику:

– Позови ко мне главного дегустатора.

Дожидааясь агу, Исмаил ходил взад-вперед по комнате, прикидывая, что ему выгоднее. Спасти девчонку или же дать Валиде ее уничтожить? Судя по поведению Наны и ее край-

ней неосторожности, новая избранница султана глупа. Ну а глупой женщиной управлять легко. И уничтожить ее легко. Сестра еще долго не сможет делить с султаном ложе, тут нужна замена. Такая, чтобы и падишаха ублажить, и влияния на него не утратить.

Исмаил решил, что приберет Нану к рукам. Заодно досадит Валиде. А поможет ему Анна, которая будет его глазами и ушами в гареме. Анна и Фатьме-султан записку отнесет, и свидание их устроит. Исмаил отметил, какими глазами Анна на него смотрела, а с влюбленными женщинами он управляться умел.

В дверь постучали.

– Войди! – крикнул он и принял важный вид.

Главный дегустатор был невероятно толст, как и положено человеку, живущему при кухне. Щеки его лоснились от сытости, губы тоже были масляные, будто жирного турка оторвали от блюда с пловом, где он выискивал самые вкусные кусочки баранины.

– Эфенди меня звал? – с достоинством поклонился главный дегустатор.

– Да. Я тебе приказываю лично пробовать все блюда, которые приготовят для новой султанской наложницы, а также все напитки.

– У султана новая наложница? – удивился толстяк.

– Будет с этой ночи. Девушку сейчас готовят. Кое-кому не нравится, что она скоро пройдет по Золотому пути. Все от-

веданные тобой блюда будешь передавать служанке по имени Анна. Я тебе ее покажу. И только ей. Все понял?

– Но Валиде...

– Ты все понял?! – повысил голос Исмаил.

– Да, эфенди.

– Если ты не справишься, я тебя убью, – спокойно сказал Исмаил.

Толстяк затрясся от страха. О приключениях хранителя султанских покоев в стамбульских притонах на дворцовых кухнях охотно сплетничали. И судя по этим рассказам, стоящий перед ним изнеженный красавчик был настоящим головорезом, безжалостным убийцей.

– Все сделаю, как прикажете, Исмаил-эфенди, – поспешил сказать ага и попятился к дверям.

* * *

– Ну? – Кесем-султан, не мигая, уставилась на главного евнуха.

– Яд подложить невозможно ни в еду, ни в питье, – развел руками тот.

– Это еще почему?

– Хранитель покоев до смерти запугал главного дегустатора. Он лично пробует все, что несут потом на стол выбранной султаном девушки. А сразу за дверями гарема поднос берет Анна.

– Кто такая Анна?

– Та, вторая, перестарок, которую вы приказали отправить на невольничий рынок.

– А вместо этого она подружилась с самим хранителем покоев, – насмешливо сказала валиде. – Быстро же он сообщил, что к чему.

– Исмаил-ага наделен многими талантами, кроме того, что хорош собой.

– Без тебя знаю! – раздраженно сказала Валиде. – Поэтому надо от него как можно скорее избавиться. Но сначала от девчонки. Вторая готова? Двойник?

– Да, Валиде. Им прислали одинаковые платья, и волосы уберут одинаково. С закрытыми лицами девушек ни за что не отличишь. Один рост, похожее сложение, цвет волос...

– Спрячешь подмену на половине султана. И когда наложницу поведут по Золотому пути, улучите момент и...

– Даже следов ее не найдут, – заверил главный евнух. – Как не было ее.

– Потом избавитесь от второй. От этой Анны, – поморщилась Валиде.

– А как же хранитель покоев?

– Он девушку никогда не видел. Подруги ее не станут – кто ему скажет, та или не та?

– Наша девчонка назовется Наной. Платок ей дали. А тот или не тот... – черный евнух развел руками.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.